

The top half of the image shows a highly ornate interior space, likely a church or a grand hall. It features several tall, white columns with intricate carvings. The arches above the columns are also highly decorative, with gold leaf accents and detailed moldings. The walls and ceiling are covered in light-colored, possibly marble or plaster, with gold leaf patterns. The overall atmosphere is one of grandeur and historical significance.

Татяна Соколова

**ПОРТРЕТ СЕБЕ  
НА ПАМЯТЬ**



# Татьяна Николаевна Соколова

## Портрет себе на память

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=29408960](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29408960)*

*SelfPub; 2018*

### Аннотация

Иногда бывает так, что, повинувшись какому-то внутреннему зову, мы несемся в непонятном направлении, бросив все и отменив все планы. Это прекрасный город Одесса – и это не случайность. Солнце и море уходят на задний план, когда открывается её мир, знакомый с детства и совершенно не познанный. Теперь мы обе взрослые и можно говорить обо всем. Она стойкая, непримиримая и часто смешная. Ей есть что сказать нам, бездуховным. Это было ее завещание – как потом оказалось.

# Содержание

Встреча	5
Старый двор	23
Мать Тамары	37
Рынок	52
Виля и его род	61
От Большой Арнаутской до Привоза	71
Вареники	79
Театр	89
После театра	98
Пирушка с Раей	103
Смерть отца	108
Прекрасная Сара	114
Исаак значит Саша	121
Прогулка	129
За два дня до отъезда	134
Принятие душа – это катастрофа	146
Отъезд	150
Зачем надо снова приехать в Одессу	152

*Иногда бывает так, что, повинувшись какому-то внутреннему зову, мы несемся в непонятном направлении, бросив все дела и планы. Меня никогда не занимала мысль, почему это происходит, я всегда твёрдо знала, что надо идти на этот зов.*

# Встреча

Междугородный автобус пришёл в Одессу рано утром. Последний раз я говорила с ней по телефону вчера вечером и, конечно, зря согласилась, чтобы она меня встречала на автобусном вокзале. Ей ведь уже много лет, как она доберётся до вокзала? Мы наверняка не найдем друг друга среди суматохи и толчеи. В этом путешествии из Туапсе в Одессу все обстоятельства складывались мне назло: сначала сломался автобус, и мне пришлось изменить маршрут и заночевать в Краснодаре, потом не было билетов. И когда уже после обеда мне, наконец, удалось втиснуться в переполненный Мерседес-Бенц 1965 года выпуска с розовыми занавесочками на окнах и, как выяснилось, – без кондиционера, я стала методично набирать ее домашний номер каждые полчаса. Она сняла трубку поздно вечером, когда мы уже проехали Феодосию. Она все время твердила, что придет рано утром на автовокзал. Она упряма и любит, чтобы последнее слово всегда было за ней. Я давно знаю, что мысли материальны и, естественно, мы не встретились.

Более получаса я металась по полупустому автовокзалу за её тенью, чувствуя, что иду по следу, спрашивала случайных прохожих и дежурных – ни разу мы с ней не оказывались в одном месте в одно и то же время. Когда я ждала на перроне, куда прибыл автобус, она выкрикивала моё имя в здании

вокзала, а когда я покупала телефонную карту, она искала меня в районе кафе; потом я сделала объявление по радио, но поздно, она уже стояла на трамвайной остановке. Водители и уличные торговцы говорили, что да мол, видели: высокая взрослая женщина, чистенько одетая, с красивыми крупными зубами, губы накрашены, ещё и на каблуках.

Её невозможно было не заметить. Мария Израйлевна, как звали её ученики, или Тамара, Мара или Мирьям, как обращались к ней друзья и родственники, всегда выделялась из толпы и не только своей идеальной осанкой и пышной копной черных волос, подхваченных на затылке шпильками. Она была одной из тех женщин, на которых невольно останавливается взгляд. В молодости она мне казалась красавицей: скуластое лицо с большими, немного раскосыми глазами неуловимо меняло свое выражение, когда она слушала музыку или играла сама. Большой рот с немного припухлыми всегда яркими губами и крупные зубы были украшением лица, особенно когда она улыбалась. Нос узкий, если смотреть в фас, утонченный, уравнивающий все черты её лица, – в профиль выступал как горный хребет, свидетельствуя об упрямстве её характера.

Меня особенно поразило, что несколько человек сказали: «чистенько одетая». Я представила старушку в платочке и почему-то дрожь пробежала по телу. На какой-то миг волнение настолько овладело мной (да ещё сказывалась и бессонная ночь), что автобусный вокзал поплыл как мираж, и

я даже не заметила, как с левой руки ко мне пристроился невысокий мужчина в полосатой трикотажной рубашке. Он бормотал мне в ухо:

– Вы её уже здесь не найдете. Она себе совсем ушла. Вам такси надо? Я имею вам такси. Спешите скорее. Двести долларов и такси у вас в кармане.

Цена в двести долларов привела меня в чувство. Я вытаращила на него глаза, но поняв, что он легко не сдастся, резко ответила:

– Вы что, ненормальный?

Мужчина ничуть не смутился и, ухмыльнувшись, ответил, что есть и другое такси за 100 гривен.

– Шестьдесят, – решила я поторговаться, выходя на улицу из здания вокзала, – и ни копейки больше.

На улице было полно машин, бери любую. Но у них тут была своя субординация. Мой спутник махнул рукой, и к нам подкатила новенькая «Мазда» цвета морской волны с открытым багажником. Я сама закинула чемодан в кузов, после чего шофёр одобрительно кивнул мне, приглашая занять место в кабине.

– Будем ехать. А где живёт ваша тётя?

Видно, все уже были в курсе моих проблем.

– Моя учительница живёт на Малой Арнаутской, – ответила я, чеканя слова.

– Малая Арнаутская – это хорошее место, там исторически проживал Илья Файнзильберг со своим Остапом Бенде-

ром. Там бедные люди не живут, – многозначительно пояснил мой водитель.

– Учителя не бывают богатыми, – покосилась я на него, – везите!

Пока мы ехали, он пытался воскресить в своей памяти имена известных личностей, проживавших в разные годы на Малой Арнаутской, а я глазела по сторонам. Одесские улицы казались знакомыми, как будто я их видела в прошлой жизни, ходила по ним и жила тут, где-то рядом, в одном из пятиэтажных каменных домов. Мы спускались все ближе к морю, дома становились поскромнее и пониже. И вдруг я увидела поникшую женщину, сидящую на скамейке перед домом старинной постройки с чёрным ободраным котом на руках.

Я узнала её сразу и велела водителю остановиться, побежала к ней. Она подняла на меня грустные глаза – внезапно её понурая фигура выправилась, на лице засияла улыбка, и, всплеснув руками, она кинулась мне навстречу.

– Наконец-то, ты приехала!

Она не была похожа на старушку – всё такая же статная, правда, немного склоненная вперед, как будто внимательно смотрит под ноги. На ней был свободный сарафан на ляпочках с красными горохами. Мы вошли во двор, здесь она на минуту остановилась и объяснила, как пройти в квартиру, не задев соседский велосипед, привязанный к перилам, а также ящики для хранения овощей в разных концах небольшого вестибюля. Дом был четырёхэтажным, некоторые квартиры



были разделены так, что выход из одной был на парадную лестницу, а из другой на чёрную. На чёрной лестнице на первом этаже и была её квартира.

Я обустроивалась со своими вещами на отведенном мне диване, а возбужденная Тамара глядела на меня с разных ракурсов и периодически восклицала: «Как я рада, девочка моя!» И вдруг она насторожилась и, сделав перед своим носом несколько театральных жестов, как бы закручивая рукой дымок от сигареты, спросила:

– Это что?

– Это пакет с тремя чудными копчёными рыбами, их подарил хозяин, у которого я останавливалась на Кавказе. А как пахнет! – ответила я, подумав про себя, что, наверное, не надо было мне тащить сюда этих рыб.

– Вот именно, пахнет... Нет, это невозможно! – произнесла она, повышая голос, – спрячем их в морозилку, пока не пришёл Матрося. Видишь ли, – вздохнула Тамара, – мне за мои грехи перед предыдущим котом Мурзей, на могиле которого я поклялась, что больше не возьму ни одно животное, достался больной котёнок. Я не смогла его выгнать и с трудом вылечила. Ему нельзя есть рыбу, и я не держу в доме рыбы. А какой мне попался ветеринар, я тебе расскажу о ней.

– Но я думала... – произнесла я нетвердо.

Тамара принесла мне завтрак.

– Не думай, лапка, не надо, кушай творог со сметаной, до-

бавь в творог чёрной смородины и налей себе чая. Мы отдадим рыбу Рае, моей приятельнице, она придёт вечером. А про покойного кота Мурзю я тебе расскажу сейчас. Она устроилась в кресле-качалке напротив меня и с чувством начала.

– Это был необыкновенный кот! Поначалу он не любил, когда я играю на пианино, он начинал выть, но не уходил.

После бессонной ночи, завтрак свежим творогом с ароматной деревенской сметаной сморил меня окончательно. Я пересела на диван и тут же закемарилась под рассказ о том, как Мурзю приобщался к музыкальным занятиям. Очнувшись от внезапного крещендо, переходящего в выразительную кульминацию.

– Ты представляешь! – восторгалась она, – он стал играть на фортепиано, естественно одной лапой, и подолгу слушал гаснущий звук!

– Представляю, – ничуть не колеблясь, ответила я, пытаюсь вспомнить, о чем идет речь. – Этот Кузя?

– Нет же, – раздосадовала Тамара, – бедный Кузя, которого ты видела со мной на скамейке, попал в руки к редкой негодяйке. И бывают же такие люди! Лучше бы они умерли при рождении!

Эти слова заставили меня вздрогнуть, в воздухе на момент повисла неловкость. Как будто невыученный урок и разгневанная Тамара. Какие-то внутренние ощущения из далекого прошлого просочились в её комнату через два окна со

старомодными низкими подоконниками и, погружаясь снова в сон, я почувствовала, что всё здесь связано с пространствами моего детства. Сейчас она как будто все объяснит и, конечно, простит мое невежество.

Когда я проснулась в очередной раз, Тамара, стоя позади своего кресла, как за кафедрой, громко клеймила тех, кто не любит братьев наших меньших: от котов и птиц до микроскопических живых существ. Кивком головы я сразу согласилась с её доводами. Когда я попыталась вспомнить её пламенную речь, из глубины моего сознания пробилась мысль, что Кузя, с которым она встречала меня у дома, персидской породы и ему нужны витамины. Витамины Тамара держала в руке, поясняя при этом, что не нужно спешить, а можно завтра (разумеется, мне) пойти к этой стерве, но со стервой ни в коем случае в разговоры не вступать, а передать витамины для лечения кота Кузи её мужу, который не потерял человеческого достоинства, живя с такой двуличной женщиной, которая всем улыбается, а на самом деле... Мужа ужасной женщины, с которым мне предстояло познакомиться, звали Толик. Время от времени он помогал Тамаре справляться с домашними катаклизмами, происходившими то от электричества, то от газовой колонки АГВ образца семидесятых годов.

Представив, что мне придется совершить такой подвиг, я опять провалилась в сон, как в обморок, и не помню, чтобы кто-нибудь меня беспокоил до самого вечера.

Вечером пришла Рая. Рая была врачом, но она уже не работала, а вела хозяйство в семье дочери. Она была значительно моложе Тамары и опекала её. Слушая рассказ о том, как мы разминулись на автовокзале, Рая кивала и тайком сообщила мне, что это нормальное положение вещей для Тамары. И было бы удивительно, если бы мы встретились. Рыбу Рая унесла.

Мы с Тамарой продолжали сидеть за столом, я попивала чай с зефиром, а Тамара принялась ловить блох у кота. Эта процедура повторялась каждый день, потому что блох у Матроси было много, а химические методы избавления от насекомых, как вредные для здоровья животного, отвергались категорически. Но бывало, что убиение очередной твари доставляло коту неприятности, тогда он оскаливался и мог укусить. Тамара искренне возмущалась и, сбрасывая его с колен, кричала: «Сволочь! Ты мне ещё указывать будешь! Я врукопашную воюю, а он мне тут!..»

В моем детстве и даже в юности мы обе были интеллигентными дамами и грубых слов не произносили, поэтому она сочла необходимым объяснить мне семантические корни слова «сволочь».

– Слово «сволочь», лапка, – сказала она, остановив на мне взгляд, как будто рассказывала про малоизвестного композитора семнадцатого века, – пошло от войны с французами 1812 года. Когда Наполеон терял на полях сражения или при

отступлении людей и лошадей, то наступающей армии Кутузова приходилось заниматься санитарными работами и оттаскивать, волоочь трупы животных. Поэтому свОлочь происходит от сволОчь и означает: мразь, грязь и прочее.

Далее её мысль переключилась на сравнение американцев, англичан и французов, где явно выигрывали французы, как в целом не хищническая нация, причинившая человечеству минимальное количество неприятностей по сравнению с амбициозными и безнравственными англичанами, претендовавшими на мировое господство и не отказавшимися от этой мысли и по сию пору. Включая и ту их часть, которая переселилась в Америку и взяла там курс на подавление малых народов и неумеренное потребление.

Моя реплика о том, что в Америке англичан меньше чем латиноамериканцев или испанцев и, наконец, украинцев и русских, была резко оборвана. Я даже вздрогнула, когда Тамара, увлеченная повествованием, почти прокричала мне:

– А ты молчи и слушай, когда тебе говорят! – и, вздёрнув свои черные густые брови, продолжила, – что за люди? Никакого уважения!

Я решила не проявлять неуважение в первый день приезда и приняла позу покорного слушателя.

К счастью, американцы вызывали у Тамары такое пренебрежительное отношение, что долго разглагольствовать о них она не сочла нужным. Рассказала только, как десять лет тому назад ездила в Америку, точнее в Канаду, в гости к при-

болевшей сестре, где её просто тошнило от отвратительной американской привычки – постоянно что-то жевать и пить на улице.

– Представляешь, – говорила она, – они на ходу едят свои макдональдсы, разевая рты как бегемоты, и запивают их ещё более отвратительной колой.

Эти неэстетичные воспоминания заставили её даже поморщиться, но она быстро справилась с отвращением к жуящим на улице людям и философски закончила обличительную речь.

– Хотя... французы, конечно, тоже хороши.

Я вышла в кухню, являвшую собой довольно жалкое зрелище: чуть больше чем на десяти квадратных метрах, кроме кухни, размещались ещё прихожая с коридором и туалет, отгороженный в углу около входной двери. Окна в кухне не было, поэтому для проветривания входная дверь всегда была приоткрыта, и с лестницы просачивалась прохлада, какая обычно бывает в подъездах старых каменных домов. В узкой части кухни, напротив туалета, на стене была прибита небольшая вешалка – она была пуста, если не считать старого зонтика с массивной ручкой и длинной металлической пикой. К вешалке примыкали две этажерки, заваленные паке-тиками и хозяйственными принадлежностями, на одной из них обычно отдыхал кот. А над этажерками размещалась та самая газовая колонка АГВ, которая должна была нагревать

воду для раковины и душа, находящегося в туалете. Система АГВ доверяя мне не внушала. С первой попытки зажечь её я не смогла, но что самое главное, я не могла понять: почему она располагается на противоположной стене, и каким образом вода поступает в туалет и в водопроводный кран через многочисленные трубы, проложенные по стенам и под потолком. Я быстро приспособилась ополаскивать утром лицо холодной водой из крана, а по вечерам обычно мылась в тазике, поливая из ковшечка. Душем, который находился в туалете, мне не хотелось пользоваться. Да и Тамара между делом успела сообщить, что в течение года она уже имела одиннадцать аварий с системой АГВ.

Завершив водные процедуры, я приготовилась ко сну, расположившись на отведенном мне диване через стол напротив её кресла, натянула на себя толстую домотканую простыню, которую по причине непрекращающейся ни днём ни ночью жары, я собиралась использовать вместо одеяла.

Было уже два часа ночи, а мы всё не спали. Закончив свою программную речь, она, наконец, успокоилась и внимательно глядела на меня, загадочно улыбаясь и слегка прищурив глаза. А глаза её – как будто два тоннеля, из глубины которых свет фар выносит целые эпохи. Она много помнила ещё из доисторической эпохи, когда я – как говорила мне мама в таких случаях – ещё птичкой летала. Там, в голодных тридцатых, а потом в полных лишения сороковых осталось её детство. Но она сейчас вспоминала о моём детстве, о моей юно-

сти – это была её молодость, наверное, незабываемые годы. Она любила наш дом, любила сидеть с нами за столом и обсуждать крамольные тогда темы об искусстве и свободе. Они часто спорили с папой: папа любил подтрунивать над ней, сводить её идеи к абсурду. Мы все смеялись. Мама прикрывала плотно дверь в коридор, чтобы соседи не слышали разговора, и учила меня с раннего детства: что говорится в доме за столом, нельзя повторять больше нигде и никогда!

Но кроме этого маминого запрета ничто не омрачало моё детство. Солнечный свет лился из огромных окон нашей коммунальной кухни. В лучах солнца часами нежился кот, которого я иногда мучила; была няня и были соседи – и все относились ко мне с уважением, кроме кота, конечно. Мы с мамой часто ездили в Елисейевский магазин или универмаг ДЛТ на Желябова и, несмотря на то, что и там и сям приходилось стоять в очередях, мне нравились эти поездки и нравился Невский проспект – его величественная каменная стена и грязно-блеклые, давно не отремонтированные фасады. Архитектурный пейзаж Невского проспекта, особенно в ненастные осенние дни, напоминал мне чёрно-белые иллюстрации к книжке Самуила Маршака «Мистер Твистер». И я понимала, что на земле таких городов мало, куда бы могло занести Мистера Твистера. Провожая взглядом из автобуса дома, облицованные серым гранитом, я представляла себе, какой бы дом захотел купить «мистер Твистер – бывший министр, владелец заводов, газет, пароходов», после то-



го, как он отказался жить в «Англетере», увидев там чернокожего гостя. Наш автобус сначала делал остановку у гранитного мавританского дома – задания касс Аэрофлота. Ни этот дом, ни угловой гранитный дом, как и любимый мною дом из серого гранита с большими окнами на другой стороне улицы, где располагалось ателье дамского трикотажа, называемое в народе «Смерть мужьям», не подходили. А вот на следующей остановке, в доме Мертенса, где на втором этаже был Дом моделей, мистеру Твистеру наверняка бы понравилось. Кроме мистера Твистера в голове у меня было полно всякой другой чепухи. К тому времени я уже коверкала два иностранных языка, освоила нотную грамоту и «концертировала» под аплодисменты, когда в наш дом приходили гости.

И вот тогда её принесло ко мне каким-то странным ветром, совсем как Мэри Поппинс. Естественно, я сразу же получила указкой по рукам и была низведена на класс ниже, то есть вместо Полонеза Огинского мне пришлось снова переигрывать нехитрые пьески типа «Жили у бабуси два весёлых гуся», чтобы почувствовать гармонию, научиться держать руки и растягивать кривоватые мизинцы, которые с трудом охватывали октаву. Я рыдала – до этого никто надо мной так не издевался. И когда мне, наконец, позволили играть этюды Черни, я колотила по клавишам в исступлении, стараясь попасть в такт метроному, чем оглушала интеллигентных и, в основном, сочувствовавших мне соседей.

Когда я подросла, образ Марии Израйлевны, как я её тогда называла, мне обычно представлялся выплывающим из осеннего тумана или снежной бури. Она всегда спешила, у неё было много забот: учёба в консерватории, преподавание в училище и частные уроки. Бывало, что мы вместе ходили в филармонию. Иногда она доставала билеты на «редкого» исполнителя. Я ждала этих концертов с нетерпением – в такие моменты она излучала особую энергию. Она одевалась просто, но и в одежде, и в причёске, и в нехитрых украшениях всегда присутствовала цветовая гармония, и этим она выделялась на фоне общей серо-чёрной массы. Мы встречались у входа, и я каждый раз боялась, что она опоздает. Она неизменно появлялась в последний момент и, поправляя растрепавшуюся копну пышных подкрашенных хной волос (наверное, у неё уже тогда была седина), подталкивала меня – скорей, скорей, ещё надо успеть в гардероб. Когда мы потом бежали вверх по лестнице, внутри у меня звучал большой оркестр, обязательно с барабанами и литаврами, и как будто дирижер взмахивал палочкой в такт нашим усилиям на марше лестницы.

Я тоже её изучаю: морщин у неё мало, щёки не провисли, а наоборот – кожа натянулась на широких выступающих скулах, и от этого она кажется моложе. Она называет много имен – это имена её родственников, учеников и просто знакомых. Время от времени меня это утомляет и я клюю

носом. Я не могу ни запомнить их, ни понять взаимосвязи между ними, даже не могу вспомнить большую часть её учеников, которых должна была знать по музыкальной школе – ведь прошло столько времени! Хотя некоторых помню, особенно тех, кто помогал ей при частых переездах с одной квартиры на другую. Сколько квартир она сменила в Ленинграде! И это с книгами и пианино. Мне интересно узнать, как она жила после того, как выучила меня и вскоре исчезла с моего горизонта, а потом внезапно уехала в Одессу навсегда.

В большой комнате на всех четырех стенах картины в старых рамах, конечно, репродукции. Из простенка между окон ко мне направляется знаменитая «Шоколадница» Лиотара. Когда Тамара утром приносит чай и мы садимся за стол, я всегда смотрю на шоколадницу. Она создает настроение. Откуда все эти репродукции? Хочется узнать историю каждой вещи. Но даже, когда я ничего не спрашиваю, меня заливают потоками её красноречия. И я стараюсь не задавать лишних вопросов, иначе мы не выйдем отсюда до зимы.

На боковых стенах пейзажи Левитана, а в уголках и над небольшими старинными столиками – картинки малого формата: акварели, рисунки, вышивки. И ещё одна, совершенно необычная картина, наверняка польского художника. Это я определяю моментально, и это действительно так. Открытый рояль, за роялем в полумраке квартет, и люди, сидящие в импровизированном партере, самозабвенно слушают музыку. Мужчина с острой бородкой вытянулся вперед,

положив руки на спинку переднего стула, словно ловит растворяющиеся в воздухе пассажи. Рядом женщина, опустив голову на вытянутые руки, тоже опирается на спинку стула, словно пытается вздохнуть после того, как заставила замедлить свое сердце, уносясь куда-то со звуками музыки.

– Ты поняла-а? – спрашивает Тамара, загадочно улыбаясь.

Меня внезапно осеняет, как будто подсказка приходит из её головы.

– Они слушают Шопена.

– Конечно, милочка! Это 2-ой концерт Фа минор, – радуется она и продолжает, – я не знаю, чья это картина и когда она была написана, ты должна помочь мне, узнай все, что сможешь.

Я обещаю. Для этого делаю фотографию картины. Но тот мой учитель, который смог бы найти ответ на этот вопрос, уже там – далеко. Может, он и слышит меня, но только я его не слышу. Вздыхаю и перевожу взгляд на акварельки.

Увидев, что акварельные пейзажи над столиком с её безделушками привлекли моё внимание, она рассказывает историю о студенте Академии художеств, который однажды встретил на Василевском острове высокую худую девушку в ярком платье и просил её стать его моделью, музой и возлюбленной. Конечно он, как и многие другие, получил отказ, но стал другом, и когда она в очередной раз уезжала в отпуск домой, подарил ей эти пейзажи.

Я узнаю её манеру складывать книги на стулья и вешать

одежду на спинки стульев и не могу оторваться от дорогих её сердцу предметов.

Я уже совсем осоловела, кутаюсь в свою домотканую простыню, но Тамара, видно, ещё не собирается отходить ко сну.

– Хотя мама меня не любила, – говорит она невозмутимо, – она считала нужным учить меня музыке с четырех лет...

Я вздрагиваю при этих словах, но сейчас мне не хочется выяснять, почему мама её не любила, и как вообще такое могло быть, хотя слышу это уже не в первый раз. Ещё в детстве я знала, что у Тамары была красавица-сестра, которая к тому же проявляла большие способности к математике, а она, Тамара, была не оправдавшим надежды ребёнком. И ещё тогда меня возмущала эта несправедливость. Потому что это она, со своей непримиримостью ко злу и тонким чувством к красоте, научила меня отделять семена от плевел. И когда она в очередной раз нарочито вставляет в рассказ о своей сестре, благополучно отбывшей в Америку двадцать лет тому назад, фразу: «Ты понимаешь, я ведь не должна была родиться, это просто недоразумение», – я перевожу разговор на другую тему.

– Я раньше писала вам на улицу Воровского, и номер дома был другой.

– Сейчас, лапочка, всё объясню, – неожиданно легко переключается Тамара. – Конечно, у меня была большая квар-

тира, где мы раньше жили всей семьей, и кухня с окном, но я её поменяла по двум причинам. Во-первых, зачем мне такая большая квартира? И, во-вторых, – Оля. Но, впрочем, это не так важно. А историческое название улицы, на которой я живу, – Малая Арнаутская, и я рада, что она опять стала Малой Арнаутской.

Тамара поднимается из кресла и поворачивается к окну с широким подоконником, заваленным книгами, статуэтками, какими-то коробочками и сухими цветами. Поправляет не задернутую штору, и задумчиво произносит:

– Я вижу, лапка, ты уже совсем спишь. Спи, я тебе завтра всё расскажу.

# Старый двор

Утром, досматривая сон, в котором фигурируют незнакомые персонажи из услышанных вчера рассказов, я чувствую, что Тамара уже на ногах, но глаза не открываю. Потому что в моем сознании происходит процесс, похожий на повторение урока перед школой, а именно: совершенно спокойно и в полной сосредоточенности систематизирую свои представления о Тамариных котах. Сначала был потрясающий кот Мурзя, который играл на фортепиано (хорошо, что Тамара не преподавала виолончель); у дома сидел кот Кузя, которому я должна дать витамины, чтобы он снова стал персом; и уже открыв глаза, я понимаю, что в настоящий момент на кухне происходит кормление кота Матроси, подкинутого за Тамарины грехи.

Она кормит кота курицей с геркулесом, как советовал ветеринар. И ничего другого ему не полагается. Матрося иногда капризничает, требуя разнообразить меню, поэтому она по обыкновению лично стоит рядом и, как только кот отрывает морду от недоеденной каши, начинает назидательно, но ласково, вещать о пользе такого питания. Кот вроде как морщится, но перечить не смеет, и завтрак продолжается. После принятия пищи Матрося издает несколько громких горловых звуков, совершенно непохожих на мяуканье, и с поднятым хвостом проносится по периметру комнаты к своему

стулу, покрытому накидкой, где он долго не задерживается, а обследовав местность вокруг, вылетает на лестницу через всегда приоткрытую кухонную дверь.

Мы так поздно легли, что я ещё немного повалялась бы в постели, но завтрак уже на столе, и мне приходится подниматься. Она пьет чай с бубликами, а для меня стоит миска творога, сметана и огромные ягоды чёрной смородины (как говорит Тамара, размером с вишню). Пока я думаю, как лучше смешать эти ингредиенты, она изучает меня, собираясь начать свой новый рассказ. Наконец, по её лицу я понимаю, что план утреннего рассказа готов, и на море я пойду позже, может даже значительно позже.

Немного приосанившись и набрав в легкие воздуха, она начинает.

– Тебе интересно, почему я переехала? Переехала я потому, что поменялась. Прежний дом стоял на углу Канатной. Перекресток стал очень шумным, и зачем мне эта их загазованность. Только здоровье портить.

– А Оля, кто такая Оля? Расскажите про неё, – спрашиваю с любопытством.

– Она из Прибалтики, – говорит Тамара с каменным лицом, – она сама меня нашла, и мы с ней несколько лет плодотворно работали. Она очень талантливый педагог; она хотела переехать в Одессу, потому что в Эстонии, где она жила, ей не давали творчески работать.

– Вы поменялись, чтобы купить ей квартиру?



– Ну да, я немного помогла, но ей все равно средств не хватило, залезла в долги. Квартиру она сдавала, а когда приезжала – жила у меня. Я ни о чем не жалею, – произносит она, резко вскинув голову и уставившись на меня широко раскрытыми глазами, словно показывая, что разговор закончен. Но я продолжаю своё наступление.

– А где сейчас Оля?

– Наверное, в своей Прибалтике, – неохотно отвечает Тамара, как будто вопрос ей неприятен и, слегка прищурив глаза, вытягивает шею, словно хочет вдохнуть проплывающую мимо струю волшебного эфира и перенестись в свой дом на углу Канатной и Малой Арнаутской.

«Я любила наш старый дом, – говорит она, как будто продолжая прерванную мысль. – В нашем дворе было шестеро соседей. Гриша и Яшка с первых дней войны ушли на фронт. Весельчак Гриша так и не вернулся. А Яша прошел всю войну, он был большой умница: у него тогда уже было техническое образование, и он-таки дослужился до командира взвода. Он отличился при обороне Одессы.

Говорят, что евреи не сражались, – продолжает она задумчиво с грустной улыбкой и, резко меняя тон, добавляет, – ещё как сражались! А куда им было деваться, когда пришли немцы и убивали их семьи? Это действительно была битва не на жизнь, а на смерть. Немцы после себя не оставляли ни одного еврея.

А ещё, дорогуша, в нашем дворе жила одна женщина, она

была украинка или молдаванка. Её все звали Мадам Скарбон. Она была красива, не первой молодости, и очень следила за собой. Говорили, что она раньше пела, может даже в Одесском театре, но карьера певицы не сложилась, поэтому она иногда давала уроки музыки. Надо думать, что в то время мало кто мог платить деньги за уроки музыки.

По утрам кто только не заходил в наш двор: сначала молочница, потом булочник, мясник, продавец сладостей – мы покупали у него петушки на палочке, за ним сапожник, точильщик, лудильщик, который чинил старые кастрюли и чайники. Да ещё уйма всякого народу – не скучно было. Однажды летом у нас гостил кукольный театр. Кукольный театр ходил по дворам, а мы за ним – смотрели представление по пять раз в день. Мама давала деньги, и мы покупали леденцы или петушки.

И каждое утро эта женщина выходила на балкон в своём шелковом китайском халате и спускала со второго этажа в ведерке деньги, а молочница наливала ей свежей сметаны в крыночку, которая тоже была в ведерке, потом она точно так же брала бублики.

Муж мадам Скарбон, кажется, был румын, но он не жил здесь постоянно, а появлялся набегами. Поговаривали, что он был связан с контрабандой. А рядом во флигеле жила бедная девушка, которая убирала у певицы. Она была круглая сирота – мать её мы не знали, говорили, что она умерла давно, а отец допился до чёртиков и повесился. И в эту девушку

влюбился сын мясника тоже с Малой Арнаутской. Мясник не мог допустить, чтобы его единственный сын женился на нищей. А девушка была неплохая – скромная и воспитанная. Мадам научила её петь, а голосок у неё был просто ангельский. Скарбон уговорила мясника и приготовила бедной девушке приданое: отрезы на платья и украшения, которые ей самой были не нужны»

– Хорошая женщина? – спрашивает Тамара.

– Я думаю, что хорошая, – отвечаю неуверенно, подозревая подвох в её вопросе.

– Так вот, – продолжает она, делая шумный вздох, – во время войны, когда в город пришли немцы, эта женщина специально пригласила их разместиться в её большой квартире, они заняли ещё и другие квартиры – тех, кто уехал в эвакуацию, например, нашу. Она рассказала, в каких квартирах остались евреи. Немцы всех нашли и всех расстреляли прямо в доме. Хорошая женщина! Видишь, как бывает!.. Это жизнь...

– Но вы же были в эвакуации, может, совсем и не так все было, – пробую возразить. Но возражения не принимаются. Тамара насупила брови и приготовилась к бою.

– Так, милочка, именно так всё и было! Евреев жестоко расстреливали, а оборону Одессы держали те же евреи, спасая свои семьи от полного уничтожения немцами и румынами. Бои были жестокие, хорошо, что Черноморский флот вступился за Одессу, им командовал адмирал Жуков, вот

только имя его не помню, он потом возглавил оборону Одессы. На базе Одесского фронта был сформирован Южный Фронт, а потом Украинский. Я не могу вспомнить, кто командовал объединенным фронтом... ты, случайно, не помнишь?

Я случайно не помнила про войну и чувствовала неловкость за то, что не потрудилась хотя бы запомнить страницы из учебника истории, которые были страницами её жизни. Кроме того, что мы учили в школе, я в юности прочла несколько книг о войне, но с годами всё меньше и меньше интересовалась этой темой. Конечно, такие имена, как например, маршала Жукова и маршала Рокоссовского остались в памяти, но Тамара имела в виду другого Жукова – контр-адмирала. Она много знала про войну, помнила имена и даты, рассуждала о стратегии Сталина, оценивала его решения и даже цитировала, что писали в газетах в то время и что говорили люди. Эта тема её разволновала, она встала со своего кресла и, уставившись в неведомую даль, стала расхаживать по комнате. Она также складно излагала биографии политиков, как когда-то давала нам музыкальную литературу. Постепенно она дошла до Сталина. Сталин, в её понимании, был противоречивой фигурой, а Ленин, который отдал Донбасс, Харьков и Северное Причерноморье и которому было всё равно в какой стране делать революцию (главное – чужими руками), был последним негодяем, и, как она выражалась в подобных случаях: «его нужно было повесить

сразу при рождении».

Хотя я уже давно поняла, что Ленин был страшным злом, неизвестно за какие грехи посланным России, меня удивило такое дикое высказывание. Я смотрела на неё с вытаращенными глазами и думала: «Что это? – непримиримость идеалистки, или это приходит с возрастом, когда уже кажется, что ты знаешь, как всё должно быть устроено; когда беспокойная совесть порождает желание объяснить людям свое мировосприятие, а попросту – как правильно жить. А может и вправду «блаженны нищие духом», то есть, те, кто никуда не суётся и никого не осуждает, а принимает естественный ход событий».

После небольшой паузы она вдруг вспоминает, что ещё не всё рассказала о своём доме. Осталась ещё одна история. Она подходит к окну, немного медлит, поворачивается к зрителям (то есть к нам с котом, которого ей пришлось скинуть с колен) и медленно выходит как бы из глубины сцены. Лицо её спокойно, на губах застыла улыбка.

«Ты говоришь, тяжелая женская доля. А что ты знаешь про женскую долю! Про женскую долю знала твоя мать, которая прошла войну и потеряла многих своих близких. Потеряла своего первенца. А у вашего поколения не доля тяжелая – а сплошной пир во время чумы!

Помнишь, я тебе говорила про Яшу, который жил у нас во дворе. Так вот слушай! В военные годы Яшу наградили орденом, – произносит она, замедляя темп речи, словно взвешив-

вая в уме, как лучше преподнести мне эту историю. – У него была красавица жена, звали её Хана-Либа. Хана одевалась с очень большим вкусом, у неё был талант конструировать одежду, кроме того, она умела выбирать ткани и прекрасно шила. Я помню, как мой дядя шутил, когда мы приходили к ним в дом: «Сошьете мне трусы?» – спрашивал он. А Хана отвечала: «Только с двумя примерками». Яшка любил её больше всего на свете и ужасно ревновал. Он ведь рано лишился родителей.

В нашем доме ещё до революции жила семья его матери. Дед был портным старой закалки, он шил обмундирование для казаков и офицеров царской армии. Однажды он шил мундир для молодого есаула. Есаулу приглянулась дочь портного, и он стал заходить в дом. Есаул был красавец, и девушка влюбилась в него. Прошло какое-то время, и они поняли, что жить друг без друга не могут. Как ни уговаривали девушку отказаться от есаула – она ни в какую. Тогда её стали запирают дома, но есаул похитил её, и родители смирились и дали благословение на их свадьбу. Потом родился Яшка. Это было как раз на стыке эпох, в революцию. Одесса долго не сдавалась большевикам – на Юге это был последний оплот царской армии, ну ещё Новороссийск, конечно. Кого здесь только не было: и Антанта, и Колчак, и красные, и зеленые, и всякий сброд. Город был полуразрушен, разграблен. Но, в конце концов, пришли красные и есаула забрали. Больше его никто не видел. Семья пережила голод и холод, уже

наступили тридцатые годы, и вдруг забрали Яшину мать. Её расстреляли, как жену врага народа. В семье об этом не говорили, а говорили, что она просто умерла от болезни. Яшин дед не выдержал и вскоре ушёл вслед за дочерью; мальчишка остался только с престарелой, разбитой горем бабушкой.

Пока Яша воевал, жена его, Хана, оставалась в Одессе, помогала евреям скрываться от фашистов. А Одесса ведь всегда была многонациональным городом: тут и поляки, и словенцы, и греки, и среди них тоже могли быть евреи. И через несколько лет после войны, точно так же как Яшину мать, однажды ночью пришли и забрали Хану. Её обвинили в шпионаже и оказании помощи иностранным агентам. Ты не помнишь, а я помню послевоенный террор и шпиономанию!»

– Грустная история, – говорю ей, а сама мечтаю выбраться из нашей прохладной комнаты в самое пекло, чтобы, дойдя до Лермонтовского переулка, повернуть к морю и в тени деревьев, медленно спускаясь по ступенькам, любоваться крутым берегом, не думая ни о какой войне. В нашей семье о войне не говорили, а скорее, многозначительно молчали, вспоминать любили только победу. А сталинский террор нашей семьи вообще не коснулся; наверное, все те, кто мог быть посажен, погибли ещё в войну. Но вдруг неожиданно для самой себя добавляю заключительный аккорд.

– Вы немного романтизируете евреев, в сталинскую эпоху пострадали очень многие, независимо от национальности.

Это только раззадоривает Тамару, к ней словно приходит

второе дыхание и, ехидно улыбаясь, она начинает новую тему.

– Мне вообще нравится, когда говорят, что Эйнштейн английский физик, а Ландау русский ученый. И что? Я тебя спрашиваю, и что?!

– Ну а чьи же они, по-вашему, раз они жили в этих странах? В глобальном смысле в России живут русские, в Испании – испанцы, а в Англии – англичане. И это никого не удивляет. Даже в Америке живет придуманная нация – американцы.

– Перестань болтать глупости! Все нормальные люди знают, что еврейский физик Ньютон, еврейские композиторы Бизе, Лист, Брамс, Барток, Дебюсси ... и многие другие. И Нострадамус еврей! Все это знают...

– Нет, не все! – кричу ей в ответ. – Я, например, не знала, что Нострадамус еврей, хотя про Брамса догадывалась. А про Ньютона мне все равно, он для меня не имеет национальности, он просто Ньютон, также как Эйнштейн – просто сумасшедший и гениальный Эйнштейн. Смешно сказать, что Закон всемирного тяготения принадлежит евреям, что, по-вашему, он на других существ не распространяется, или распространяется с дозволения раввина?

Тамару мои доводы несколько не трогают, она торжествует, раскачиваясь в кресле с гордо поднятой головой и снисходительной улыбкой на губах, что означает: один ноль в её пользу.



Я не сдаюсь и, собирая сумку на пляж, на ходу вспоминаю целую плеяду замечательных людей от Александра Невского и Суворова до Ломоносова и немки Екатерины Второй, потом бормочу про Льва Толстого и Вернадского – которые тоже не любознательности и славы ради, а ради земли Российской и всего человечества... Сама понимаю, что я просто отговариваюсь, но мне не нравится, когда она начинает расставлять акценты. Спорить не хочется, но и согласиться не могу.

Тамара так и сидит с гордо поднятой головой, делая вид, что не слышит меня. Она всегда была такая, я просто раньше не вела с ней подобные разговоры.

Пулей вылетаю на лестницу, где, споткнувшись о кота, сбежавшего из комнаты от нашего крика, и ящик с картошкой, ударяюсь в дверь, запертую на ключ (наверное, чтобы не украли велосипед). Услышав грохот, она, наконец, встает и, разглагольствуя о моей неловкости, а также о нежелании спросить по-человечески, как из этого дома-таки можно выбраться на улицу, то есть сначала во двор, а потом через запирающиеся ворота на Малую Арнаутскую, протискивается между мной и ящиками, чтобы открыть дверь огромным ключом. Я про себя его называю «ключ от собора».

На улице очень жарко, но, к счастью, до моря недалеко. Нужно пройти несколько домов, перейти трамвайную линию и вот уже Лермонтовский, который ведет к морю. Дальше сто двадцать ступенек, которые разделены на три секции терра-

сами и зелеными зонами, где находятся спортивные площадки, теннисные корты или шикарные коттеджи; как мне потом поясняет Тамара – виллы богатых людей, которые пусть себе знают, что это с рук им не сойдет.

Сейчас июль, народу на пляже много. Наконец окунаюсь в прохладную воду целиком, с моей перегретой от умственного напряжения головой. Но выйдя на берег, опять думаю о ней, высчитываю в уме, сколько ей лет. Если когда началась война, ей было больше десяти, то сейчас должно быть около восьмидесяти. Потом пытаюсь вспомнить, когда я видела её в последний раз. Она закончила консерваторию, когда ей было глубоко за тридцать, и долгое время преподавала в Петербурге, то есть, в тогдашнем Ленинграде. Потом уехала в Одессу, и однажды, когда я уже была замужем, она позволила мне по телефону и через час я уже встречала на пороге улыбающуюся женщину, одетую в яркое клетчатое пальто. Одной рукой она поправляла сбившуюся старомодную шляпку с пером, а в другой руке держала огромный торт из «Норда», то есть теперешнего магазина пирожных «Север».

После четырёх часов, когда кончается пекло, иду на поиски интернета, обязательно надо связаться с работодателями. На Малой Арнаутской недалеко от нашего дома кафе, где на стекле написано «WiFi», но уже второй день никто не может мне ничего прояснить.

– Да, – говорит официант, – вай-фай есть, а интернета

нету, может, в следующем году сделают. Вы покушайте наши пирожные – таких больше нигде в Одесе не найдете. А шо там, на стекле нашкарябали, то все ж пишут.

Всё ясно. Иду искать дальше, и от Канатной до Пушкинской обнаруживаю несколько однотипных интернет-кафе с плотно задернутыми шторами на окнах. На шторах красуется эмблема в виде щита и скрещенных шпаг. Там у них интернет точно есть, но каждый раз меня выставляют более или менее вежливо, объясняя, что никаких интернет-услуг они не предоставляют. Из прихожей я вижу компьютеры в следующей комнате; объясняю, что мне нужна связь, хотя бы на десять минут, можно по тройному тарифу. Но из глубины комнат каждый раз выходят люди, смотрят на меня как на фининспектора, потом переглядываются, как бы соображая, имею ли я отношение к фискальным органам или, может быть, к каким-либо иным структурам. Они так переглядываются, что как будто взвешивают: «бить или не бить»; обстановка в каждом последующем кафе всё больше и больше накаляется. В четвёртом кафе я, наконец, догадываюсь, что все эти интернет-кафе, являются клубами для карточных игр, и поскольку чаша весов уже перевешивает на предмет «бить», медленно пятась и извиняясь за причиненное беспокойство, спиной открываю дверь на улицу.

Возвращаюсь ни с чем, таща за спиной тяжелый ноутбук. Бреду по Малой Арнаутской. Четырехэтажных домов здесь не так уж много, в основном – двухэтажные, но попадают-

ся и одноэтажные. Улица очень широкая, как и многие другие улицы Одессы. По обе стороны дороги на газонах растут акации и платаны с гладкими пятнистыми стволами. Из-за того что платан теряет огромные куски коры, обнажая ствол, его называют «бесстыдница». Дома здесь, хотя и невысокие, но отличаются какой-то особой статью, которая может быть присуща только большим городам, где серьёзно потрудились знаменитые архитекторы. Даже одноэтажные дома строго и гармонично вписываются в городской пейзаж, машинально пытаюсь сравнить их с домами в других городах, где я бывала. Так, в размышлениях, дохожу до ворот.

Двор наш неширокий, но очень уютный, выложен плиткой, и посередине двора между плитками растёт дерево, кажется, персик. Под деревом сидит кот Кузя, шерсти на нем как на сильно поеденном молью старом пальто из кролика. Его хозяйка развешивает бельё на веревки, натянутые около её окон. Она производит впечатление приятной и вежливой женщины. Мы перекидываемся парой слов, но про витамины, которые я должна была отдать её мужу для Кузи, я не заикаюсь.

# Мать Тамары

Моё общение с хозяйкой Кузи не осталось незамеченным. Тамара меня ждала и периодически посматривала в окно, ведь ключа от входной двери у меня нет. Она отварила молодой картофель и приготовила, как она говорит, мысочку салата из огурцов с помидорами.

– Ты отдала ему таблетки? – спрашивает она, когда мы уже заканчиваем трапезу.

– Кому ему? – недоумеваю.

– Когда ты разговаривала с этой отвратительной женщиной, там, рядом стоял мужчина, её муж Толя. Он тоже сначала, когда я сюда переехала, говорил со мной по-хамски, но что ты думаешь? Я своим упорством довела-таки его до вежливости. И теперь мы друзья, – улыбается она, довольная своей шуткой.

– Я никого не видела, может, вы имеете в виду человека, который прошел мимо в подъезд? Так он просто прошмыгнул. А эта женщина сказала мне, что она даёт витамины Кузе и что он облез от жары.

– И ты будешь слушать, что тебе говорит какая-то стерва! Я с котом разговариваю, а не со всякими стервозами, и я знаю, что ему дают и как ему дают! Кости куриные ему дают вместо витаминов, которые бедное животное даже разгрызть не может.

– Интересно, как вы разговариваете с котом? – ухмыляюсь я, не подумав о последствиях.

– Просто! Очень просто, если быть человечным, то и животные тебя понимают, и ты их понимаешь, для этого даже университетов кончать не нужно. Это просто жизнь! Вот слушай, что я тебе расскажу.

– Я бы хотела более подробно узнать про вашу Олю... – не успеваю я закончить фразу, как Тамара раздражается громом:

– Ты когда-нибудь научишься слушать! Сиди и молчи! И слушай.

Она устраивается в своем кресле. Её раздражение моей неучтивостью, а может быть упоминанием об Оле, проходит, как только она набирает в легкие воздух, чтобы начать свое повествование. Я знаю, что это не воздух, а какой-то особый эфир, который струится из окружающего её пространства, и в котором растворено её прошлое.

«Моей мечтой всегда было играть на фортепиано, – говорит она, как будто со сцены в зал. – У меня был абсолютный музыкальный слух, и мама, я уже тебе говорила, хотя и не любила меня, но считала необходимым учить меня музыке с четырех лет.

Я очень любила мать. Я её всегда спасала. В первый раз я её спасла, будучи ещё совсем маленькой, даже в школу не ходила. У мамы случилось кровотечение после аборта, сделанного на большом сроке. После войны абортывы были запрещены, а за незаконный аборт – была прямая дорога в тюрьму.

му! Я пошла к врачу, который жил в нашем доме, конечно, он боялся даже зайти к нам. Он мне сказал, что это легочное кровотечение, но я знала, что это не от легких. И он мне объяснил что делать. Я сама пошла в аптеку, спросила нужное лекарство. Я сказала, что если не будет лекарства, моя мама умрет – и мне дали лекарство. Представляешь, как рисковал провизор? – дать ребёнку лекарство. Но ведь это Одесса! Понимаешь? – поднимает она на меня глаза, в которых застыли слезы. – Маму удалось спасти.

Мама была очень умной и интеллигентной, хотя не имела высшего образования. В начале двадцатых годов, когда разразился голод, бабушка и дед со своими тремя детьми приехали из деревни и поселились около Привоза, как и многие другие семьи в ту пору. Дедушке удалось найти работу на побегушках. Сначала они жили в какой-то каморке. Дед был исключительно трудолюбив, но что важно – он заработал себе такую репутацию, что люди не боялись доверять ему деньги или дорогие вещи. Благодаря своей честности, которая была непременной чертой всей нашей семьи, он стал быстро продвигаться на работе, и уже вскоре они стали снимать скромную квартирку у рынка. Бабушка для деревенской женщины была очень образованной, кроме того, она умела хорошо шить. Бабушка была из левитов – это колено от прародителей, считающихся потомками библейского Левия. Мама была очень красива, и мой будущий отец, который жил неподалеку, влюбился в неё, но она была ещё слишком

юная. Он ждал целых пять лет, чтобы сделать ей предложение. Он тоже был из небогатой семьи, может быть даже беднее нашей. Одесса до революции жила совсем неплохо, здесь было много богатых людей, ты видела, какие дома они построили! В двадцатые годы, когда коммерсанты и промышленники поняли, что наступают репрессии и можно потерять не только деньги, но и голову, они благополучно отбыли пароходом в Стамбул. Экономика падала, город нищал. Моя бабушка со стороны моего отца пристроилась кухаркой к одному из «главарей» – это были такие люди, которые подбирали все, что осталось после бегства буржуазии, они и власть над людьми прибирали к рукам, в общем – бандиты. Платой за дневную работу была одна тарелка сваренного ею блюда: супа или второго. Бабушка была настолько честной, что сама около этих кастрюль чуть не падала в обморок от голода. Но худо-бедно ей удалось выкормить своих детей, у неё их было четверо. Сама она умерла от истощения. Отец тоже был очень худой, у него с детства была язва желудка. После того, как они с мамой поженились и только начали благоустраиваться, большевики в тридцатые годы организовали новый кризис. В это тяжелое время я и появилась на свет. Примерно за год до моего рождения с отцом произошло большое несчастье: его нашли на работе лежащим без сознания, он был избит до полусмерти. Кто это сделал, и как это случилось – мы так никогда и не узнали. Я думаю, что выяснять было бесполезно, а может, даже и опасно. Ему сделали тре-



панацею черепа, состояние было тяжелым, и мама несколько дней и ночей не отходила от него. Естественно, что после такой травмы он не мог устроиться на хорошо оплачиваемую работу; а у мамы после моего рождения начались страшные головные боли, да к тому же и я родилась с множеством проблем. Семье пришлось пройти через голод и холод, не хватало денег то на еду, то на керосин для лампы. Как ты понимаешь, я была нежеланным ребёнком, который появился в самое трудное время. Я считаю, что деторождение нужно планировать, меня вообще не нужно было производить на свет, мое появление только раздражало всех. Вот сестра родилась вовремя – положение семьи к тому моменту уже выравнивалось, и она была здоровой и весёлой. Но, тем не менее, когда мне исполнилось четыре года, родители продали кое-что, ещё заняли денег и купили мне прекрасное пианино. Я очень старалась, и уже с шести лет, когда меня отдали в школу, я участвовала в концертах.

Когда началась война, и мы должны были покинуть наш дом, я больше всего страдала от того, что оставляю своё любимое пианино. Хотя, конечно, мы не думали, что это надолго, и если бы кто-то нам тогда сказал, что дорога бегства от войны доведет нас до Казахстана, мы бы ни за что не поверили. Ты читала мои воспоминания и знаешь, каким долгим и тяжелым был наш путь на Восток, как болел мой отец; сестра была маленькая и избалованная, и мне приходилось много работать. В конце сорок третьего сбылась моя мечта –

я стала посещать занятия в музыкальной школе. Мы к тому времени переехали в районный центр. Когда мы вернулись, я чуть не заболела от счастья, что моё пианино в целостности и сохранности. А я была таким ребёнком, который от сильных впечатлений мог слечь с простудой или жаром.

После войны я продолжила своё музыкальное образование. В эвакуации у меня была прекрасная учительница, высокообразованная в музыкальном отношении. Она научила меня всему. Когда мы вернулись домой и я продолжила свои занятия музыкой, после такого педагога я часто попадала впросак. Настоящих учителей ведь не так много, а война потеряла людей. Однажды моя новая учительница по классу фортепиано наиграла мне фуги Баха, а я, будучи ещё наивной, совершенно искренне сказала: «Это неверно. Баха так не играют». Представляешь! Я этим дала ей повод ненавидеть меня до конца обучения.

Когда я окончила музыкальное училище, евреям путь в консерваторию был закрыт, да ещё с такой фамилией, как у меня. Я уехала от родителей и работала в музыкальной школе на Донбассе. Шахтеры тогда были очень богатыми людьми, в шахтёрском посёлке были такие продукты и такие импортные товары, которые вам в Ленинграде и не снились. Для музыкальной школы предоставили старинный особняк, на музыкальные инструменты и оснащение классов они денег не жалели.

Помню, когда я преподавала первый год в музыкальной

школе, я очень сильно заболела. Была поздняя осень, резко ударили морозы, но хозяйственники, как ты понимаешь, не успели подготовиться к таким капризам природы. У нас в классе было одиннадцать градусов, и я простудилась, и ещё выяснилось, что у меня был ревматизм. Сказалось то, что во время войны не раз приходилось лежать на земле часами. Когда немцы подходили к Одессе, мы несколько дней не могли уехать: как только сформируют состав, начинается бомбёжка. Нас уводили подальше от вокзала, рядом была лесополоса, там мы и прятались. И по дороге нам приходилось ночевать на станциях. Во время бомбёжки мы убегали в поле или в лес, иногда на всю ночь. В Казахстане я помогала матери, особенно когда болел отец. Работая в поле до поздней ночи, чтобы нам дали продуктовые карточки, я иногда так уставала, что не могла дойти до дому. Однажды осенью, когда было уже холодно по ночам, я потерялась. Было темно, хоть глаз выколи, а кричать боялась, потому что собрала дрова на общественном поле, которые хотела тайком в темноте отнести домой. Я оказалась в каком-то овраге, где соорудила себе подстилку из кустарника, там и оставалась до рассвета, пока меня не нашли. Вот отсюда и ревматизм.

Так вот, я была настолько слаба, что почти не могла вставать с постели. Состояние было ужасным, у меня ещё начался невроз, я упрямылась, не хотела ехать в больницу. За мной ухаживала хозяйка. Я не давала адреса и не хотела, чтобы сообщали маме. И вот однажды: я не могу заснуть, у меня

жар, и вдруг чувствую кожей, что мама рядом, но мамы нет. Засыпаю и вижу сон: мне снится умершая бабушка, я прошу её, чтобы она взяла меня с собой; она поцеловала меня и исчезла. Я даже проснулась от этого поцелуя, так ясно я его почувствовала. Она любила меня безумно, видела всё, но маму не упрекала, пыталась компенсировать её холодное ко мне отношение своей любовью. Я тоже любила бабушку. Знаешь, когда она была в гробу, у меня не было ни грамма страха. И ещё с мёртвой бабушкой случилась интересная вещь, думаю, не зря. Когда мы её помыли и переносили, я держала голову, и когда клали в гроб, рука её поднялась и как бы обняла меня. Представляешь, бабушка обняла меня на прощание!

Я немного отвлеклась, – говорит Тамара. И лицо её при воспоминании о бабушке вдруг осветилось таинственной улыбкой, которая как мотылек слетела с её губ и унеслась из нашей комнаты вместе с только что присутствующей здесь, невидимой мне бабушкой. И продолжает, – наутро просыпаюсь – мама сидит рядом. Она за мной ухаживала, она всегда на людях изображала, что любит меня. Мне нельзя было нервничать, и она обхаживала меня, выполняла все мои желания, правда, очень скромные. Потом она стала уговаривать меня вернуться домой, обещала дать отдельную комнату. Скажу тебе, что у нас квартира была сравнительно большая, но комнат было только две».

– И что, вы поехали?

– Поехала.

«Приезжаю, три дня все любят, на четвёртый устраивают чахотку. Мама говорит: «У меня нет отдельных апартаментов». В общем, началась Голгофа. Но чем меньше она меня любила, тем больше любила её я. Я её так любила, что когда ей было плохо, я это чувствовала и прилетала моментально.

В течение семи лет, пока я работала на Донбассе, я два раза приезжала в Ленинград с моими талантливыми учениками, которым я помогала поступать в консерваторию. И меня тоже прослушивали. Один раз у меня состоялось очень серьезное прослушивание – меня собирались взять на кафедру фортепиано. Профессор, который возглавлял кафедру, считал, что я стану отличной пианисткой. Уже почти обо всем договорились, я подала документы, и через день пришел ко мне мой знакомый, который устраивал это прослушивание, с поникшей головой. Когда профессор увидел на документах мою фамилию, он их чуть не выронил из рук. Хотя Сталин к тому времени уже умер, люди все ещё боялись принять в консерваторию девушку с такой фамилией. Но через пару лет, в начале шестидесятых, я все-таки поступила и переехала в Ленинград.

А потом, когда я работала в Ленинграде и когда ты уже окончила школу, случилось так, что моя мама серьезно заболела и я, бросив всё, уехала домой».

– Давайте сделаем перерыв и попьем чая, я вам налью, – осмеливаюсь перебить её, так как меня уже давно клонит ко сну. Но Тамара непреклонна.

– Не надо мне никакого чая, – декламирует она таким тоном, что я внутренне сжимаюсь, – чай – это тот продукт, который я наливаю себе сама. И продолжает:

«Мама очень серьёзно заболела ангиной, а сестре было некогда ухаживать, она сдавала сессию. Ляля была просто гениальной в математике, но тоже не сразу поступила в институт. Она была признанным талантом в школе. В десятом классе она уже прошла весь институтский курс высшей математики. Поэтому после окончания школы её взяли работать преподавателем. Об институте тогда и речи не было. И вот в этот самый момент, когда заболела мама, у неё случились какие-то очень важные экзамены. И эта эгоистка даже не дала мне телеграмму. Но я всё равно почувствовала. Я почему-то пошла на главпочтамт, пыталась дозвониться домой, у меня не получилось, и я дала телеграмму с текстом: «Как дела?». Но моё беспокойство не проходило, тогда я отправилась напрямиком на вокзал. Но пока ехала на вокзал на трамвае, передумала, резко поменяла маршрут. И сама не поняла, как я оказалась в аэропорту, а уже через несколько часов – уже дома.

Мама лежала почти без движений. У неё была страшная ангина. Дома был только папа, он был совсем растерян и только что и мог, как подносить ей питьё, а она и пить уже не могла. Я немедленно профильтровала керосин и стала смазывать миндалины керосином, потом сбегала в аптеку, всю ночь сидела около матери, следила, чтобы она не задохну-

лась. Через день она уже пошла на поправку, но я ухаживала за ней ещё неделю.

И, несмотря на то, что я несколько раз спасала её от смерти, почувствовав её болезнь на расстоянии, она часто издевалась надо мной. Конечно, на людях она показывала, что любит меня. С материальной стороны – она кормила меня, не скупилась, и одевала, а с моральной – учила и постоянно третировала. Ляле никогда ничего плохого не скажет, Ляле всё под носик. Приезжаю как-то: мама стирает Ляле на старой машине, которая не сливает, приходилось вычерпывать воду. В следующий раз привожу ей новую, рижскую машину. Опять: «Тамара такая-сякая». Только приехала – нужны бутылки для консервации, я по всему городу – привожу на дачу тридцать бутылей.

Ты знаешь, как она могла сказать?! Я ведь дружила только с мальчишками, поэтому общение с мужчинами для меня не было кокетством или любовью. Мужчины просто были моими надёжными друзьями, хотя, конечно, не все.

Однажды на выходные меня привез домой военный на мотоцикле. Его младший брат учился в нашей музыкальной школе. Так получилось, что этому человеку нужно было в Одессу, а города он не знал, потому что их семья была не из этих мест. Он меня высадил у дома, поехал дальше по своим делам, но назначил свидание на следующий день. Я знала, что из этого ничего путного не выйдет, но всё-таки согласилась. Мы договорились, что в определенное время он будет

ждать меня за углом, который был виден из моего окна. И вот я сижу в этот день дома и поглядываю в окно. А мама возьми да скажи: «Ты что свидание назначила? Да кто на тебя плюнет!» Я, конечно, не пошла на свидание».

Мне неудобно спрашивать про любовь, но я все-таки наглею и говорю:

– Но надо было бороться за свое счастье, взяли бы да и вышли замуж назло всем. Тамара смотрит на меня с доброй улыбкой.

– Когда мне было пятнадцать лет я, также как и все, мечтала иметь семью и детей, но когда мне исполнилось семнадцать и я закончила свое обучение и поехала на Донбасс преподавать, я поняла, что не позволю себе иметь детей, чтобы не любить их больше, чем своих учеников, – отвечает она мне.

Вчера она достала альбом со старыми фотографиями, перелистала слишком быстро, показала сестру и любимого племянника. А потом убрала в комод. Я не успела ничего толком разглядеть, стащила альбом и положила его на стул, задвинутый под стол, листаю втихаря, особенно когда она читает мне очередную лекцию. Нахожу её красивое лицо, нежное девичье лицо, развернутое в полуанфас. Она в чёрной фетровой шляпе с широкими полями. На ней блузка из шелковой ткани, модный фасон, много мелких пуговичек, над которыми её мама трудилась, наверное, не одну ночь. А



Тамара тем временем продолжает.

– Когда мама поправилась, то мне опять пришлось искать пятый угол в родительском доме. Я уехала в Ленинград и много лет работала в музыкальном училище в Гатчине. Да, о чем это я хотела тебе рассказать?

– Про Олю, – говорю я специально, чтобы улизнуть, пока она будет злиться.

Но она не обращает на меня внимания.

– Вспомнила, про животных. Слушай.

«Однажды поздней осенью в ненастную погоду, я ждала электричку в здании Варшавского вокзала в Гатчине. Это было такое небольшое здание со старой деревянной дверью, а недалеко от вокзала находился павильон, где продавали спиртные напитки на розлив. В здании вокзала было человек десять. Вдруг слышим, кто-то стучит в дверь, сильно стучит. Решили, что, наверное, это мужичок пьяненький не может открыть дверь. Но, оказалось всё наоборот. Это коза стучала в дверь. Козу отогнали, а она снова стучит. Опять прогнали козу, но она возвращается каждый раз и стучит ещё сильнее. Наконец козу пустили, может, замерзла, подумали. Она входит и направляется к одному пьяненькому мужичку, сидящему на скамейке, и ну его бодать. Оказалось, что они знакомы, это был хозяин козы. Представляешь, какая умная! Она вышла вместе с пьяницей и повела его домой. Вот так бывает – коза ведет своего хозяина домой, может, хозяйка её послала. Я знаю множество удивительных историй про жи-

вотных. Например, там, где я жила на Донбассе, женщина с собакой приходит в сельский магазин, а там уборщица моет пол шваброй, моет и ругается себе под нос, мол «ходят тут всякие», а увидела женщину с собакой и совсем разошлась. Эта женщина наклонилась к своей собаке и говорит: «Скажи ей, что она дура». Собака подняла голову и громко произнесла: «Дур-ра, дур-ра». Уборщица остолбенела и чуть швабру не выронила.

Животные – это удивительные создания. Эти существа живут без всяких фантазий, они не мечтают о деньгах или о власти. Они просто живут, но такие чувства, как любовь и преданность, им ведомы больше, чем людям».

Про козу я ещё могла поверить, а на счет говорящей собаки я позволила себе усомниться. Тамару это затронуло, как говорится, «за живое». Она страшно обиделась на меня, и чуть не со слезами выпалила:

– Ты много понимаешь! Это всё жизнь, я тебе рассказываю истории из жизни. Жизнь многообразна. Эх ты, не понимаешь...

Очередной день канул в лету. Всего с моего приезда прошло три или четыре дня, я уже не помнила. За это время я успела пару раз сходить на море и все-таки нашла интернет-кафе, где можно было посидеть и поработать. В мои планы ещё входило посетить рынок, знаменитый одесский Привоз, тем более что и еды пора было прикупить. Тамара, кро-

ме бубликов и хлеба, ничего не покупала в магазинах. Она тоже согласилась, что пора идти на рынок. И мы решили, что завтра с самого утра туда и двинемся.

# РЫНОК

Сборы на рынок проходили в напряженной обстановке. Тамара даже отказалась от обычной чашки чая. Проверка овощей и фруктов в наставленных один на другой ящиках на лестничной площадке выявила, что я развела дрозophil на своих персиках. Тамара персики не любила, а ела вишню, которая повышает иммунитет. Ещё с детства, будучи слабым ребёнком, она привыкла потреблять вишню кульками или ведерками, благо что в украинских селениях вишня растёт в любом дворе. То, что все дрозophilы мои – это понятно, ведь вишня была съедена ещё пару дней назад, а персики остались.

Немного побушевав, она успокоилась, взяла свою сумку на колесах, и, закрыв дверь, мы все вместе: Тамара со своей поклажей, кот и я выползли в полутьму лестничной площадки. Тамара, спустившись на одну ступеньку, сразу запнулась о привязанный к перилам велосипед, наехала сумкой на кота, который по плану эвакуации должен был махнуть на чердак к своей рыжей пушистой подруге, а вовсе не рваться на улицу, где его никто не ждёт. Но, преодолев три ступеньки и сделав осанку, она быстро справилась со своим гневом, списав все неприятности на электрика Яшу – хорошего человека, но разгильдяя. Матрося шмыгнул в сторону, а я вдоль стеночки пробралась к двери и стала орудовать в замочной

скважине огромным ключом, который на ходу перехватила у нее, размышляя про себя, что если уж так необходимо запереть эту дверь, хотя бы вырезали дыру в двери для света.

Во двор она вышла уже на взводе, оттуда через подворотню рванула прямо на проезжую часть, рассыпая на ходу семечки для птиц. Она лихо обошла машины, припаркованные в первом ряду, тяня за собой дребезжащую тележку, и как гужевое транспортное средство разместилась во втором ряду. Машины натыкались на нее, гудели и пытались, не сбрасывая сильно скорость, встроиться в третий ряд. Одностороннее движение было достаточно интенсивным, сердце у меня замерло, вдруг кто-то не успеет перестроиться или тормознуть. Я бросилась к ней, но спохватилась после первого же сигнала разгневанного водителя, который упорно пронзал мое тело своей сиреной, и стала, где это было возможно, прижиматься к тротуару. Тамара была тверда как скала, не шелохнулась. И это с её чувствительным музыкальным слухом, который даже не выносил звуковых оповещений на моем компьютере. Когда мы дошли до угла, она сказала мне, указывая на правый ряд:

– Перестань дергаться, здесь специально выделено место для пешеходов, правда, некоторые эгоисты ставят тут свои машины, но их можно обойти.

– Это для машин, – отвечала я, – машины при такой организации движения должны поворачивать направо только с правого ряда.

– Много ты понимаешь в организации движения! – слышалось мне в ответ. – Это, может, у вас организуют движение там, где ходят люди, а это Одесса, поняла! Не устанавливай своих законов в чужом городе! Одесса – это мой город, и я буду тут ходить, как хочу!

– Ходите, как хотите, но я не могу идти посередине дороги, когда мне в спину все время бибикают.

– Так не иди! Иди там, – Тамара кивнула в сторону тротуара, – по вздыбленной плитке. Видишь, в центре города они плитку отремонтировали, а ближе к морю, где идет оползание грунта, никому никакого дела нет. Жульё, – заключила Тамара, отвернув от меня свой гордый орлиный профиль.

Я колебалась: оставить её одну на дороге с несущимися машинами – опасно, но еще опасней, когда я, семеня за ней, буду дергаться под носом у нервных водителей. А чтобы не дергаться, нужна длительная тренировка.

Так мы добрались до остановки трамвая: она по проезжей части, а я по тротуару. Стоим на остановке.

– Что с тобой? – вдруг восклицает Тамара, сделав свои нарисованные брови домиком.

Я машинально провожу рукой по волосам, осматриваю себя как могу. Гусеница, что ли, по лбу ползет?

– Почему ты не покрасила губы, выходя на улицу? – продолжает она, – ведь ты же женщина. Как можно выходить непричесанной, не накрасив ресницы или губы?!

Я ищу свое отражение в витрине киоска, стоящего на

трамвайной остановке. Отражение действительно так себе: губы блеклые, на голове творческий беспорядок, который мне в тайне души нравится (я так кажусь себе моложе).

Тамара при полном параде: на ногах её любимые босоножки на толстом каблуке, черные редеющие волосы уложены на затылке в кичку, напоминающую веер, как на японских миниатюрах, а её роскошные губы аккуратно подведены красной помадой, как она говорит: «создающей впечатление свежего цвета».

– Слушай, – продолжает она, сменив гнев на милость, – я расскажу тебе историю.

«Несмотря на то, что моя мать относилась ко мне очень сурово, когда я ушла из дома и стала приезжать в отпуск, ситуация нескольких первых дней менялась кардинально. Все были рады моему приезду. Мы с сестрой первые дни обменивались новостями и впечатлениями почти всю ночь, засыпали только под утро. А мама вставала на работу рано и заботилась о приготовленном обеде. Так как в ту пору холодильников ещё не было, при одесской жаре важно было, чтобы ничего не прокисло: что-то надо было перекипятить, какую-нибудь кастрюлю поставить в таз с водой и так далее. Вообще-то мы с сестрой сами знали, что нужно проявить такую заботу, но мама считала нужным специально ещё раз об этом напомнить. В одно прекрасное утро мама решила обратиться к сестре, но у сестры была какая-то странная реакция на то, что её будят: не просыпаясь, она резко пинала ногой

того, кто её будил. Тогда мама подошла ко мне и сказала: «Тамарочка, ты же человек», – и перечислила всё, что нужно сделать с едой. Я, не открывая глаз, сказала, что, конечно, всё сделаю. Уже выходя из комнаты, она вспомнила что-то ещё, и я, не отрывая головы от подушки, всё обещала выполнить. Наконец она ушла, но пока выходила за ворота, ей что-то ещё пришло в голову, и она стала стучать в окно; я опять все выслушала с закрытыми глазами и снова погрузилась в недосмотренный сон.

Вдруг через десять минут в квартиру врывается мама и кричит:

– Это разве дети? – Это враги! Я ушла с не покрашенными губами, и никто мне ничего не сказал!»

Подходит наш трамвай. Мы садимся, и Тамара говорит мне: «Не бери билет». Все, кто слышал, включая кондуктора, глядят на меня как-то странно, как будто ожидают от меня определенных действий. Несколько секунд размышляю, переминаясь в толчее с ноги на ногу, и протягиваю кондуктору деньги, кондуктор дает мне билет. И тут понимаю, что общественность мной недовольна. Но снисходительна, сразу видно, что я не одесситка. На всякий случай изображаю на лице тысячу извинений и стараюсь протиснуться поближе к Тамаре. Без особых приключений добираемся до рынка. Когда выходим, она кидается через дорогу, едва не задев своим плечом собирающийся начать движение трамвай. Пытаюсь



поймать взгляд водителя – вижу, что он в курсе наших подвигов, и уже несусь за ней через дорогу; машины останавливаются, чтобы пропустить нас.

Мы долго идём мимо уличных торговцев и рядов с фруктами в молочный павильон. Домашние сыры, брынза, творог – притягивают взгляд бело-желтой гаммой, словно белый кварц и желтоватый кальцит на солнечном морском берегу. С энтузиазмом кидаюсь в торговые ряды. Тамара довольно деликатно меня останавливает и просит постоять в сторонке – я могу испортить ей весь гешефт. У нее своя молочница, которая дает большие скидки на сметану и творог. Я наблюдаю за действием из дальнего угла, спрятавшись за стойку прогона, стою, как идиотка, около мусорной корзины, роняя слюни, так и не попробовав замечательных творогов и брынз. Как Тамара подружилась с молочницей – это целая история, рассказанная мне как-то в ночи. Молочница, у которой она по обыкновению покупала продукты, старалась возвращать ей чуть ли не половину денег, но Тамара всячески сопротивлялась. Она всегда сопротивляется опеке – считает себя бойцом по старой памяти. И вот однажды она умудрилась заплатить безо всяких скидок и покинула рынок с чувством собственного достоинства. Но, придя домой и выложив из сумки продукты, в пакете с творогом обнаружила аккуратно сложенную бумажку, в которую была завернута вся уплаченная ею сумма. Пришлось смириться с поражением – молочница, тоже одесситка, оказалась упрямее. Оста-

лось разве что пользоваться плодами своего поражения.

Мы уходим из молочного павильона, так и не купив сыра. Тамара стремительно движется вперед и не считает нужным посвятить меня в свои планы. Я еле успеваю за ней, готовлюсь платить за выбранные продукты. Но не тут-то было! Она просто пролетает между рядами с фруктами и овощами, иногда резко останавливается, бросает непонятные мне слова (очевидно название сортов или мест, откуда эти сорта привезены), а когда я подбегаю со своим кошельком, говорит мне, сморщив нос: «Не тошни». Я отвлекаюсь только на момент, присматриваясь к живописным гроздям винограда, и в суете теряю её из виду.

Стараюсь далеко не уходить, разглядываю знаменитый одесский Привоз, который практически ровесник города. Здесь начиналась история многих одесских семей. Сюда приезжали торговать из сёл и отдаленных деревень, здесь можно было найти какую-то работу, зацепиться за городскую жизнь. Это была своеобразная биржа труда и школа выживания.

Знаменитый Привоз напоминает мне огромный вокзал, заканчивающийся базарной площадью, особенно его центральная часть, где навес поддерживается металлическими опорами из фасонного профиля, украшенного регулярно расположенными круглыми шляпками заклёпок, совсем как на крытых перронах в старых европейских городах. На открытом базаре продают и продукты, и промышленные това-

ры, и конца ему не видно. За прилавками публика многонациональная – приезжают со всего бывшего Союза. Но есть и местные крестьяне: одеты они, как правило, в старые пиджаки, армяки; женщины в передниках поверх серых юбок, на голове белые платочки. От них пахнет хлебом и деревенским воздухом. Кажется, живут они бедновато. Некоторые по-деревенски застенчивы, говорят мало и с сильным акцентом. Хотя есть и другие – точно такие же, как на наших рынках, хамоватые перекупщики.

Я догоняю её около помидоров, и кричу:

– Я, я куплю помидоры!

– Покупай, если тебе нужны такие помидоры, – отвечает она с полным презрением.

Я опять сбита с толку, обескуражена, не получаю от рынка никакого удовольствия, более того – ничего вокруг себя не вижу. Хватаю её за руку, говорю:

– Давайте договоримся...

– Отстань! – огрызается Тамара. – О чем я с тобой должна договариваться? Когда мы к вам приезжали во время войны – вы что считали копейки, чтобы нас накормить? Я помню, как меня встречала твоя мама.

Мама моя действительно всегда старалась накормить Тамару домашней едой. Она очень любила её, находила возвышенной и одухотворенной, ценила её талант музыканта и педагога – только всё это было в шестидесятых, а не в войну. Она, конечно, имеет в виду свое поколение, эвакуацию.

На рынке спорить не хочу. Но как-то грустно, ни одного толкового шага сделать не могу, никакого кайфа от рынка. Все мое внимание сосредоточено на том, чтобы снова не потерять её из виду. На ходу покупаю халву и солёные огурцы – продукты, которые она точно не ест, да и мне они не очень-то нужны. Смотрю: она уже около входа на рынок запихивает в свою раздутую сумку на колёсах два кулёк вишни, предварительно выяснив у хозяина, из каких он мест. Местечко знакомое, и пока они беседуют, я расплачиваюсь за вишню. Теперь моя задача отнять у неё безумно тяжелую сумку на колёсах, но сумка переходит в мои руки, только когда мы садимся в трамвай – ей просто не поднять такую тяжесть. Она опять мне говорит: «Не бери билет». И вдруг до меня доходит, что я должна отдать деньги за билет, а билет у кондуктора не брать. Так и делаю.

Через несколько дней, когда я покажу ей страницы с моими заметками, специально для неё распечатанные в интернет-кафе, она удивленно поднимет брови и сначала спросит: «Ты что – Бабель?»

Потом прочтет и будет в очередной раз вправлять мне мозги: «Ты ничего не понимаешь! Ты Одесу не чувствуешь. Рынку 200 лет, оттуда всё и начиналось, а ты – бабушки, дедушки».

Но ведь я не про рынок пишу. Я пишу про неё – пишу портрет себе на память.

## Виля и его род

Придя домой, мы все раскладываем: кабачки, баклажаны, лук, картошку, помидоры «бычье сердце», вишню – для неё, черешню и персики – для меня, а также ставим в холодильник творог, сметану и сливочное масло.

Мы устали, пьем чай. Тамара позволяет напоить себя чаем. При этом она подбадривает меня: «Лей больше кипятка в чашку, не жалея, лапка»

После чая я лежу на диване, проглядываю местную еврейскую газету и вдруг слышу какую-то возню в кухне. Заглядываю туда – она грузит в свою сумку на колесах два четырехлитровых пластиковых сосуда, – собирается в поход за родниковой водой. Я моментально меняю халат на сарафан, причесываю волосы и демонстрирую ей свою готовность. Она грозно вопрошает:

– Куда это ты собралась?

– С вами пойду за водой.

– Никогда! – отвечает она, – ты мне не нужна. Мне одной проще, я дойду до угла, возьму трамвай – и всё. Мне не нужно, чтобы ты устраивала мне истерики. Я как ходила по дороге, так и буду ходить, и не тебе меня учить. Дорога – для всех!

Вопрос решен, возражения не принимаются. Она мягко выталкивает меня из кухни в комнату, выбирается со своей

груженной пластиковыми бутылками колесницей в вестибюль, как обычно натывается пару раз на ящики с запасами, и через минуту я уже слышу, как она запирает ключом дверь со двора.

Я наказана. И пусть. Собираю свою сумку и иду на пляж. По дороге размышляю, как это я не смогла договориться с ней о совместных действиях по части обеспечения нашего быта – чувствую себя неуютно. Когда я ехала сюда, думала, что, как все дети, навещающие престарелых родственников, «натаскаю воды, почию крышу и дров заготовлю». Я даже была уверена, что мой скромный труд может пригодиться в этом доме. А теперь выходит, что все крутится вокруг меня. Я никогда не занимаюсь уборкой, она ужасно злится, если я хватаюсь за тряпку, ей не нравится, когда я что-то покупаю; приготовление еды, кроме салата, тоже не приветствуется. Топлю в море свои тяжелые мысли и надеюсь, что ей помогли войти в трамвай и уступили место около двери, и даже представить себе не могу, как она обычно добирается обратно с полными баклагами...

Вечером опять сидим за столом.

– Куда ты так смотришь? – спрашивает Тамара.

– Это чья фотография у вас в серванте? Мужчина симпатичный.

– Это Виля, мой двоюродный брат. Его уже нет, он умер рано от наследственного заболевания. Он при Хрущеве был

директором завода. Его уважали все: и рабочие, и высшее начальство – он был большой умница, отличный специалист и исключительно честный человек. Виля прошел путь от простого рабочего, он был прекрасным инженером по мукомольному оборудованию. Однажды его послали в Монголию, чтобы обсудить план строительства мукомольного завода в Монголии. Наши собирались продать туда советское оборудование. Но Виля съездил, изучил вопрос и пришёл к выводу, что монголам дешевле покупать готовую муку, чем строить завод и молоть пшеницу, которую они будут привозить из-за границы. Так и сказал им. Хотя на контракте с Монголией он мог бы хорошо заработать. Вот такой он был порядочный человек.

– Хочешь, я расскажу тебе его историю?

Я уже не знаю, хочу или нет. Придётся внимать и запоминать имена, чтобы случайно не задать глупого вопроса, выдающего мою невнимательность. Несмотря на то, что мне интересно, я периодически подремываю, как, впрочем, и все «слушатели». Тамара в хороший день, когда я мало работаю, наговаривает порядка пяти-шести часов. Рассказывая о своей семье, она пробуждает в моей памяти другие истории – истории моей собственной семьи и людей, с которыми меня сводила жизнь, которые тоже могли бы стать предметом повествования. Они, как падающие звезды, ярко вспыхивают в моем воображении и быстро гаснут, оставляя тающий след в облаках; у них нет той силы, которая присуща её воспомин-

нениям. Пока я раздумываю, Тамара начинает:

«Виля, которого ты видишь на фотографии, был женат на Берте. Берта была женщиной необычайной красоты. Она была скромна и даже немного застенчива. Её красота струилась изнутри и придавала её движениям и манерам величественное спокойствие и грациозность. Я должна тебе сказать, что женщины Одессы – это особые женщины, настоящие. Они никогда не позволяли относиться к себе как-нибудь; в Одессе женщина – это королева. Так вот, Берта была королевой.

Родителями Берты были Лазарь и Рива. Рива жила в Одессе и была дочерью инженера. А донжуан Лазарь был родом из Вильнюса, но мы о нем мало что знали. В Вильнюсе, несомненно, осталась его довоенная семья. Он, очевидно, побывал в плену, но никому об этом не рассказывал. Думаю, что в Литве он после войны был объявлен без вести пропавшим. Ему нельзя было возвращаться, его бы посадили в тюрьму, как человека, прошедшего плен. А в Одессе он устроился; таких доносчиков, как в больших городах или в той же Прибалтике, в Одессе никогда не было. Но, естественно, его историю никто не знал. Он повадился ходить в семью Ривы, хотя был значительно старше, а Рива была в расцвете своей красоты. Она молчала, но он не отступал. Тогда он сказал, что если она не выйдет за него замуж, он сведет счеты с жизнью; она в конце концов согласилась, и они вскоре поженились. Рива родила ему четверых детей, но хозяйства вести так и не научилась: дом был неряшливый, готовила она из



рук вон плохо, за собой тоже не следила. Вот так бывает в жизни! Красавица превратилась в неряшливую простушку. И Лазарь стал повторять, что чем жить с такой непутёвой женой, лучше уйти к калеке. Так оно и вышло. Он ушел к женщине, у которой одна нога была короче другой.

Один из мальчиков после ухода отца сошел с ума, а Берта не порвала с отцом, приходила в его новую семью, подружилась с его женой и её дочерью. Можно сказать – прижилась там.

Лазарь был очень талантлив, он рисовал. Наверное, скупал по краю, где вырос, и по своей довоенной семье. Его картины и рисунки оказались в нашем доме, я потом их передала в музей.

Так вот эта самая красавица Берта, на которой женился Виля, после свадьбы тоже перестала следить за собой, как и её мать, дом тоже её мало интересовал. Они жили в достатке, но она была ленива и характер у неё был скверный. И бедный мой Виля не находил дома семейного уюта, тепла и даже любви. Она считала, что отношения с мужчиной можно иметь только для того, чтобы завести детей, и ни в какую. А найти женщину на стороне ему не позволяла порядочность. Когда в день смерти она пришла к нему в больницу (дома она не желала за ним ухаживать) и поняла, что часы его сочтены, она упала в обморок. Виля собрал последние силы и позвал врача, чтобы её привели в чувство. Он думал не о себе в тот момент, он думал о ней. И Виля умер только после того, как

убедился, что его супругу привели в чувства и ей ничто не угрожает. Ему было всего сорок пять.

У Вили с Бертой было двое детей. Красота матери передалась одной из дочерей – Циле. Она была утонченно красива и скромна. Её необыкновенная красота, – продолжает Тамара, изображая в воздухе красоту Цили своими тонкими пальцами, – привлекала людей, но она была очень застенчива. У неё было особое свойство: когда вокруг неё оказывались мужчины, глаза её делались глубокими как океан, зрачок как бы проваливался в глубину, излучая неземной свет; мужчины, которые приближались к Циле, чувствовали исходящее от неё поле; они, как птицы, обжигались её огнём и влюблялись безумно. Когда она училась в институте, один из профессоров подарил ей редкую книгу – на титульной странице он сделал надпись: «В знак преклонения перед женской красотой». Циля потом стала женой банкира. Но вот странно, у такой красавицы не было детей».

Может, я циник, но представляю Цилю просто страстной женщиной, которая в силу своего воспитания и традиций еврейской семьи старалась всякий раз подавлять свои чувства. А приближение мужчин её так волновало, что внутри все кипело, излучая в инфракрасном диапазоне, где и зависали её жертвы. Детей, наверное, не было по той причине, что, ещё учась в институте, она могла сделать аборт и, естественно, никому об этом не рассказывала, как все скромные девочки. Ведь замуж за банкира она вышла, закончив учебу и

ещё проработав некоторое время – лет, наверное, в двадцать пять, не раньше. Это было в конце восьмидесятых или даже в начале девяностых. Мне трудно поверить, что такая красавица, сжигаемая внутренним огнем, в то время мучила себя затворничеством. Но мы с Тамарой часто видим предметы под разным углом. Жаль, что она не верующая, если бы она посещала церковь, там наверняка бы случались чудеса; а каким бы она могла стать проповедником! Но я это все думаю про себя и, конечно, не перебиваю её своими глупыми комментариями.

Тамара глядит в пространство, как будто смотрит кино про Вилю и Цилю и пересказывает его мне.

«Банкир купил прекрасный дом, – продолжает её голос за кадром, – он создал все условия для своей любимой жены, а прибавления в семье все не было. Десять лет он водил её по врачам – и никакого толку. Отдыхать они обычно ездили за границу. Он лечил её на лучших курортах и в лучших клиниках Германии».

Я наливаю себе чашечку чая, устраиваюсь с ногами на диване, а блюдо с халвой тихонько ставлю на стул перед собой так, чтобы Тамара его не видела из-за стола. Она кидает на меня строгий взгляд, как бы концентрируя мое внимание, и продолжает:

«И вот однажды они поехали отдохнуть на хутор в совершенно дикое место. Остановились в деревенском доме, хозяйка была очень гостеприимна, готовила им, приносила

парное молоко. Она каким-то образом догадалась о бесплодии молодой женщины и предложила свести её к местной знахарке. Знахарка ничего не спрашивала, никаких особых действий не производила, просто положила ей руки на живот и пошептала что-то себе под нос. Циля не придавала этому особого значения и быстро забыла. Но прошло немного времени, и она забеременела и родила сначала мальчика, а через некоторое время и второго ребёнка – девочку. Это мои внучатые племянники. Мальчик был здоровым, а девочка родилась без одного глаза».

– Как это без глаза? – спрашиваю, чуть не подпрыгнув на диване.

– Так это! Врачи говорят, что глаз просто не развился в чреве матери. Ей сейчас ещё только пять лет. Родители ей оставляют длинные кудряшки, которые закрывают половину лица. Она похожа на ангелочка и очень талантлива – у неё прекрасный слух и она замечательно поёт. Мы её не утомляем музыкальной грамотой, врачи говорят, что нельзя напрягать.

Удивительно, как бесстрастно она всё это рассказывает, как близко в её рассказе стоят фразы типа «умереть от любви» и «уйти к калеке». Я вытаскиваю из-под стола альбом. Мы находим чёрно-белые фотографии Берты и Циля, они и вправду были библейскими красавицами. А фотографию дон-жуана Лазаря не удалось найти. Наверное, это неспроста, он ведь всю жизнь скрывал свое настоящее имя.

Я собираюсь спать, медленно раздеваюсь: мысль об ангелочке с одним глазом не дает мне покоя. А вдруг это и есть перевозданная гармония: красота и уродство, как инь и ян. Ведь в определенный период времени красавица мать и уродливое дитя были одним целым. Значит, лицо или тело – это только абажур, под которым может гореть свеча или электрическая лампочка, а может и ничего не гореть. Тамара это знает давно, может, с самого начала. Это сакраментальное знание и есть её ключ к окружающему миру. А, может, бесплодие было знаком, защитой, чтобы не родился неполноценный ребенок.

Пора укладываться, кот уже давно спит на Тамариных руках; когда она жестикулирует, Матрося потягивается, и меня от этого ещё больше тянет в сон. Уже укладываюсь и вдруг слышу:

– Что ты там теребишь? Что это у тебя? Крестик? Ты что, веришь в Бога? Ты же образованная женщина!

Я просто ошарашена. Как она не боится? – Сама, что называется «под богом ходит». Я распутываю тонкую золотую цепочку, завязавшуюся в узел вместе с висящим на ней крестиком. Цепочка поддается, но крестик выскочил из замка и куда-то упал. Я ищу его около дивана, на диване. Тамара делает вывод:

– Вот видишь, исчез, значит тебе это не надо.

– Я удивляюсь, как вы можете так говорить, – отвечаю, глядя на неё с укором.

Но это Тамару не смущает. Я, наконец, нахожу свой крестик. Но молчу. Думаю про девочку: она, наверное, все видит в тумане. Вот кому лучше было бы не рождаться, но думаю, что Тамара тут со мной не согласилась бы – они все её очень любят и берегут. И вдруг вспоминаю Вилю, который умер от какого-то наследственного заболевания. Вот оно в чем дело.

# От Большой Арнаутской до Привоза

Малую Арнаутскую я уже освоила, теперь хожу по Большой Арнаутской. Здесь дома, пожалуй, посolidнее; некоторые перестраивают, есть и совсем новые в стиле модерн. Прохожу мимо свадебного агентства «Мендельсон и сыновья» и почему-то вспоминаю не свадебный, а также хорошо известный траурный марш Мендельсона; может, слово «агентство» у меня ассоциируется с похоронным агентством. Тамара говорит, что это не случайно. Оказывается, что есть такая еврейская традиция отмечать богатые свадьбы на кладбище. Ещё до революции и потом тоже, когда в городе случались эпидемии, моры или стихийные бедствия, в этом обвиняли евреев. Такие периоды длились иногда по несколько месяцев, а люди жили и не только умирали, но ещё и женились. Если в это время играли свадьбы, то евреи устраивали их на кладбище и просили своего бога Иегову, чтобы никогда не было пожаров, эпидемий и войн. Богатые евреи иногда устраивали на кладбище шикарные свадьбы, никого не смущая и не вызывая зависти у бедных соседей.

Я здесь много узнаю о жизни евреев, прохожу подготовку для поездки в Израиль. Я легко вписываюсь в их общество, потому что быть Тамариной ученицей – это быть Та-

маринным ребёнком. Меня соседи по двору так и воспринимают, и все ко мне доброжелательны, потому что доброжелательны к ней. Это очень важно. Она могла бы поменять свою квартирку на двухкомнатную в современном доме, где была бы кухня с окном и горячая вода, а не эта беда – АГВ. Как справедливо заметил таксист, подвезший меня с вокзала: квартира на Малой Арнаутской денег стоит. Но даже если бы у неё было больше сил, она не стала бы заниматься обменом. Однажды она мне сказала: «Ты должна понимать, что люди разные, и в некоторых домах живут некультурные люди, которые могут тебя обидеть или унижить только потому, что ты еврейка».

Сегодня по Большой Арнаутской иду за двумя мужчинами: один – лет тридцати пяти – довольно упитанный с толстыми ягодицами, в черных брюках, белой рубашке и чёрной кипе, прикрывающей его затылок. Кипу часто называют ермолкой – это российское название XIX века, транслитерированное на идиш (ярмлкэ). Я здесь часто встречаю «настоящих» евреев – несмотря на жару, они одеты в черный костюм, на голове шляпа с плоскими круглыми полями, которую надевают на кипу. Именно так одет другой мужчина, который заметно старше. Они обсуждают какие-то проблемы, вальяжно жестикулируя руками. У того, что в ярмолке, из карманов брюк торчат веревочки, по четыре с каждой стороны. Они называются цицит. В Торе целый закон посвящен



тому, как носить эти цицит. Тамара говорит, что тот, у которого брюки с цицит, редактор еврейской газеты. Она сразу узнала его по моему описанию – Одесса город маленький. Она затеяла с ним тяжбу и жалобу на него передала раввину; хотя Тамара в бога не верит, но раввина признает как должностное лицо. Предметом тяжбы является редакционная статья в еврейской газете, дающая неправильное представление о взаимоотношениях русского и еврейского народа во время второй мировой войны. «Как он мог такое написать?! – возмущается она, и её подведенные черные брови поднимаются, – у меня много примеров того, как евреи, русские и украинцы сражались за Одессу плечом к плечу. Я знаю, как прятали евреев, когда пришли немцы. А он мальчишка! Я добыюсь, чтобы его сняли», – нервно постукивает она пальцем по столу. Раввину придется туго – Тамара не отступит.

Дохожу до Ришельевской и, проходя мимо Арабского культурного центра, вдруг вспоминаю, что никогда не была в мусульманском храме. Уже несколько дней приглядываю это красивое белое здание с зеленым, как бы сплюснутым, куполом и длинными резными окнами. Оно не похоже на классические мусульманские мечети с голубыми высокими куполами; нет тут ни минаретов, ни звезд – всего два этажа. Рассматриваю здание, думаю, как бы войти туда, и вдруг ощущаю внутренний дискомфорт – это молодой человек, одетый, несмотря на жару, во все чёрное, которого я

сначала приняла за случайного прохожего, пристально глядит на меня. Я под прицелом – это страж храма. Направляюсь к входу – он за мной; тогда спрашиваю, можно ли посетить культовое учреждение. Он провожает меня в вестибюль, где выдает мне черные грубые носки, которые я надеваю на босые ноги, и черный плащ до пят с капюшоном, в котором я должна утонуть, чтобы не было видно, что я женщина. Вид как у куклуксклановца. То поднимаясь, то спускаясь по лестницам, осматриваю пустые молельные комнаты, расписанные цветочным орнаментом. В самой большой зале потолочный фриз и ограждение балкона гармонируют с орнаментом, все очень тонко продумано, но, на мой взгляд, избалованный созерцанием фресок и икон, – пустовато. Может, здесь и хранятся какие-нибудь святыни, типа древних манускриптов, но мне ничего такого не показывают – только голые стены. Спросить не у кого, такое впечатление, что я здесь одна.

Продолжаю прогулку по Пушкинской. Здесь совершенно особые дома; в основном эклектика: крошечные дорические капители соседствуют с ротондами в стиле барокко, попадается модерн девятнадцатого века, и везде много лепнины. И вдруг в недоумении останавливаюсь, не могу оторвать глаз: на углу улицы Бунина стоит ярко розовый дом, похожий на кремовый торт. Это гостиница «Бристоль», как утверждает путеводитель – «самый роскошный отель Европы» (который, естественно, находится в Одессе), где останавливались

многие знаменитости. Балкончики и эркеры увиты множеством лепных элементов, колонн, фризмов, бордюров; огромный балкон над входом поддерживает изящная парочка – атлант и кариатида, а в нишах второго этажа скульптурные бюсты – не хватает только большого розового банта. Такое впечатление, что все эти архитектурные излишества добавлялись заботливой рукой хозяина, движимого одним желанием – украсить свой дом не хуже других.

В конце концов, я все-таки дохожу до интернет-кафе, которое, кстати, мне помогла найти Тамара. Она обычно звонила из этого кафе сестре в Америку, и вдруг её осенила догадка, что мой интернет и её международный телефон могут быть как-то связаны. За компьютерами в небольшой комнате обычно сидят три-четыре человека. Я всегда заказываю кофе, который мне приносят на стол, ловлю кайф, потому что дома кофе не пью, чтобы не злить Тамару. И рыбу тоже не ем, чтобы не злить кота. Редактор газеты – тоже здесь сидит за компьютером. Он возбужденно разговаривает с кем-то по скайпу, орёт на всю комнату. Помимо газеты, наверное, крутит бизнес. Идишь немного похож на немецкий язык, и я понимаю, что они что-то отгружают и что-то проводят через таможню.

Читаю почту, пишу ответы, но работа не клеится – ловлю ворон. Думаю про редактора, отрываюсь от своей работы и роюсь в интернете. И, о ужас! Я там обнаруживаю, что предыдущий редактор еврейской газеты был осужден на пол-

тора года за раздувание межнациональной розни. Но я думаю, что это не Тамара.

Работать совсем не хочется, грузная фигура редактора навела меня на мысль о еде. В голове прокручивается целая гастрономическая программа. В Одессе не много продуктовых супермаркетов. Все уважающие себя одесситы покупают свежие продукты на Привозе. Закрываю свой ноутбук и устремляюсь на рынок.

Вхожу на рынок через дальний вход и долго двигаюсь мимо рядов с одеждой, наконец, не удерживаюсь и начинаю примерять все подряд; покупаю босоножки. Ряды не кончаются, и мой глаз падает на симпатичный сарафан. Возле моего сарафана две женщины: одна из них примеряет жакет, из которого как шарик выступает её живот.

– Я вас умоляю, это так сидит на ваших плечах! – говорит продавщица, – полный ажур, себе накинула и пошла. Правда хорошо? – обращается она к подруге меряющей.

– Тю! Ну и фасон, – говорит подруга. – Сымай, твоё тело не влазит в эту кофточку.

Продавщица моментально меняется в лице и раздражается бранью. Это не одесситка. Настоящие одесситы такого себе не позволяют. Правильно Тамара говорит – Одесса потихоньку деградирует.

Наконец дохожу до огромного мясного павильона – здесь можно купить все части животных: уши, хвосты, яичники, почки, печень, мозги, которые считались деликатесом (осо-

бенно в семьях интеллигенции), когда бывший Советский Союз ещё был на пути к коммунизму. Так и говорили, выставляя в гастрономе длинную очередь в кассу: «Выбейте мне полкило мозгов». Здесь присутствуют и более редкие части животных типа селезёнки, поджелудочной железы, и, конечно, кишки, которые, как чулки разного размера, развешаны на растяжках – они используются для приготовления домашней колбасы. Впрочем, вопросом про те же пресловутые мозги вас могут тут поставить в тупик: хотите ли вы мозги молодого бычка или взрослого животного – и как тут выбирать? Поражает ассортимент: говядина и телятина, свинина и молочные поросята, баранина, козлятина, нутрия, зайчатина, а уж птицу и не счесть – и домашняя и дикая.

Конечно, Тамара права, Привоз – это необыкновенный рынок; это – пульс, жизненно важная артерия не только города, но и окрест лежащих сел. Но нет в нём такой красоты, как в восточных рынках: например, в Самарканде, Бухаре или в Испании. Например – в Барселоне, где само здание – это архитектурное творение, а торговые ряды с овощами и фруктами напоминают вернисаж – просто галерея импрессионистов. Когдаходишь в мясной павильон и видишь живописно разложенные части туш и сыровяленые окорока, хамоны, – нет ощущения убиенных животных, разобранных на части – поражает живописность, невольно вспоминаешь полотна великих фламандцев. А рыбные ряды! – Хочется писать натюрморты. Это не рынок – это музей изобразитель-

НЫХ ИСКУССТВ.

Пробегаю по мясным рядам и покупаю парное мясо, по которому я уже успела соскучиться. Еще хочу приготовить вареники с вишней. Я уже заблудилась, Идти до вишни далеко, по дороге запихиваю в свою сумку желтые помидоры, солёные огурцы, персики и примерно килограмм овощей и зелени в ассортименте; с тяжелой сумкой и ноутбуком за плечами добираюсь до трамвайной остановки.

# Вареники

Выйдя из трамвая, прохожу пешком ещё одну остановку – и это с моими-то сумками! У ворот на меня сочувственно смотрит грустный поеденный молью кот Кузя. Вхожу в арку через резную чугунную калитку, открываю нашу парадную дверь «ключом от собора» и потом закрываю её изнутри. Похоже – Тамары дома нет. На кухне два стола и оба они заставлены хозяйственными принадлежностями и кастрюльками, в которых она варит себе и коту. Тут же аккуратно сложенные пакетики, как говорит Тамара «кульки», которые она берёт с собой на рынок, чтобы «грузить» в них куриные ребра с мясом для кота. Я понимаю, что предметы на столах не меняют своего положения годами, поэтому аккуратно расчищаю себе место – и вперед. Отвариваю мясо со специями, раскалываю тесто для вареников.

По возне на лестнице и громким крикам: «Мерзкий кот, обязательно ему тут на ящиках с овощами сидеть нужно. Что тебе, чердака мало? Ты ещё будешь на меня ёршиться, а такой хозяйки, как у Кузи, не хочешь, не хочешь такую мерзавку, как она?!» – я понимаю, что вошла Тамара. Она с сумочкой, зонтом и с огромным пакетом семечек для кормления птиц. Тяжело дыша, она ставит свои кульки на место, вешает зонт, и настает моя очередь.

– Ты что, не соображаешь, что ключ надо поворачивать на

три оборота, я могла не войти в дом! – восклицает она, глядя на меня, как на двоечницу, и нервно сообщает последние новости. – Ты видела Кузю? Он совсем плох, нужно его подкормить. И витамины ты, конечно, не отнесла этой заразе. А это что? – вопрошает она, картинно разводя руками, – что ты тут развела?

– Вареники, – отвечаю.

– Что ты понимаешь в варениках! Надо же сначала приготовить вишню, вытащить косточки.

– Я делаю вареники с косточками, у нас так все делают.

– Кто там и что там делает – мне это совершенно все равно; пусть делают, идиоты. Я делаю так, как мне нужно! Ты собиралась работать – вот иди в свой интернет и работай. Дай мне мысочку, я буду чистить вишню, пока ты все тесто не извела.

Вытаскивать косточки у меня, как оказалось, шноровки нет, я только давлю ягоды. Поэтому Тамара готовит начинку, а я леплю вареники. Пока варится пробная партия, я предлагаю Тамаре кусочек ароматного отварного мяса. Но мое внимание и забота не оцениваются – опять попала впросак.

– Ни за что! – говорит она.

– Почему? – спрашиваю, – вы что, совсем не едите мяса?

– Ем иногда, – отвечает Тамара твердым голосом, – но сейчас не буду. Не ясно, как это животное было убито.

Мне что бежать на рынок и спрашивать там, как было убито это животное? Набираю полные легкие воздуха и считаю



до пяти, потом съедаю свою порцию прекраснейшего мяса с ароматной горчицей и жёлтыми помидорами, и наступает момент вынимать вареники. Вареники в кастрюле разбухли как клецки. Ничего не понимаю, делаю вид, что все нормально и раскладываю вареники по тарелкам. Тамара пробует и задумывается. Она настолько деликатна в данный момент, что думает не о том, на какой сорт мыла похожи мои вареники, а как мне это преподнести, чтобы сильно не обидеть. Я уже и сама понимаю, что тут что-то с мукой, которую я взяла на полке.

– Что это была за мука? – спрашиваю, обороняясь, – ведь была у меня мысль купить нормальной муки. Помните, когда мы ходили за бубликами и ещё сыра взяли? Я ведь хотела тогда и муки купить, а вы мне не дали!

Тамара, похоже, собирается меня успокоить, хочет что-то рассказать про эту муку. Но теперь это уже не имеет никакого значения. Главное – не дать ей углубиться в историю мукомольных заводов Одессы, начиная с ветряных мельниц, которые появились в Одессе в самом начале 19 века. Быстро собираюсь и иду купаться.

Купание успокаивает и отвлекает. День клонится к вечеру, и не хочется уходить с моря. Море – это моя любовь с детства; часами могу смотреть, как море меняет свой цвет и темперамент в зависимости от настроения неба. Тамара тоже любит море, в юности она много времени проводила на бе-

регу, а купалась редко из-за своего здоровья. Накупавшись, выхожу на верхнюю площадку и направляюсь по тенистой аллее в сторону Приморского бульвара.

Я думаю про Тамару. Эта встреча не случайна. Она явно должна мне что-то сказать, но смогу ли я понять? И что мне с этим делать? Она спешит, видимо времени мало, Тамара, для которой многие ученики стали родными детьми. И я здесь чувствую себя как дома. Неважно, что она переехала в соседний квартал, я ощущаю место, связанное с ней, с её жизнью и каким-то образом – с моей, как говорят, память крови. Хотя кровь у нас разная – но это неважно. Загадочная память, переданная через неё. Мне кажется, что я здесь уже бывала и даже видела все это во сне.

Тамара, которую не любила мать...

Мать её, конечно, любила. Это она разглядела талант в четырехлетней девочке и купила пианино, наделав при этом долгов, за которые семья ещё долго расплачивалась. А какие платья она шила! А шелковые блузки! На фотографиях видно, как искусно они сшиты. Сколько ночей она просидела с иглой, создавая тонюсенькие петли, рюши и строчки. Я часто разглядываю альбом, когда Тамары нет дома; мне интересно, как она причесывалась, как одевалась. У неё даже были лайковые перчатки. Меня поразила элегантность, а ведь это были послевоенные годы. Что-то тут не сходится...

Да и любовь не всегда приносит счастье тем, кого любят. Не зря же лорд Байрон изрек по этому поводу: «Ведь

каждый, кто на свете жил, любимых убивал. Один жестоко-  
стью, другой отравой похвал...». А мать убивала её словом:  
«язык змеи», – говорит Тамара. Но почему? Послушать её,  
так она виновата, что родилась в неудачный момент, внепла-  
новый ребёнок. И всю жизнь сокрушается, что мать не сдела-  
ла аборт – лишняя, ненужная. Странно, но в этом есть доля  
правды. Есть такие люди, которые всем как бы должны. Но  
главное, что эти «все» воспринимают их труд и заботу о себе  
как должное. Ещё и требуют, сердятся, повелевают. И такие  
гордые натуры, как Тамара, покорно несут бремя неразде-  
лённой любви и всегда готовы на подвиги, чтобы оправдать  
свое существование. Единственное, что утешает, так это то,  
что у неё потрясающая тяга к жизни.

А может, она явилась на свет, чтобы любить мать; чтобы  
любить мать так, как матери любят своих детей. В этом мире  
иногда происходят сбои, и всё может быть перепутано. Но  
одно ясно – неразделенная любовь наносит травмы. А недо-  
любленные дети – это диагноз.

С такими грустными мыслями я подхожу к Потемкинской  
лестнице и поднимаюсь к Одесскому оперному театру. Во-  
первых, нужно сфотографироваться на фоне театра, он и  
вправду чем-то похож на Гранд Опера в Париже. Ищу глаза-  
ми, кто бы мог мне помочь в этом деле. Людей, к которым  
можно было бы обратиться, немного, наконец, один останав-  
ливается. Объясняю задачу: главное, чтобы я была красивая,  
театр тоже нужен, но это во вторую очередь. Он любезно

улыбается и показывает, энергично жестикулируя, что мой телефон ему не нужен. Он что думает, что я хочу продать ему свой телефон? Но через секунду меня осеняет, что это же иностранец. Снова все ему объясняю по-английски, и мы так хохочем, что на фотографиях я получаюсь полной уродиной: то с закрытыми глазами, то с кривым ртом. Но моему фотографу снимки нравятся и фотосессия на этом заканчивается. Собственно, не для этого я сюда шла в своем выцветшем за мое пребывание в теплых широтах сарафане. Я задумала купить билеты в театр.

Приближаюсь к театру, вхожу в боковой вход, афиш много, но все одинаковые – каждый день концерт оперной труппы. Это, конечно наводит на мысль, что даже оперы толком поставить не могут, только концерты. А может, все таланты уехали на гастроли или ещё куда-нибудь. По цене билетов понятно, что шедевров не будет, но театр посмотреть хочется, и ещё думаю, что посещение театра должно благотворно подействовать на наши отношения в целом, поэтому покупаю два билета. До дома добираюсь на автобусе, надо подготовиться к завтрашнему концерту.

Открываю ключом от собора дверь, закрытую на три оборота. Тамара сидит с котом и, повернув ко мне голову, усталым голосом спрашивает:

- Как искупалась?
- Очень хорошо.

– Не выбрасывай гнилые персики в мусорный пакет, на них сидят тонны дрожофил, – продолжает она как бы хладнокровно, но я понимаю, что она скучала.

– Я же тебя предупреждала. И не закрывай полностью дверь в туалет, там на стенке живут особые мушки, маленькие треугольные существа. Они безвредны. Я не знаю, как они называются, но это очень деликатные мушки. Ты заметила, что они треугольные? Я в жизни своей не видела подобных мушек, пусть живут.

Иду разглядывать мух в туалете на стене под потолком – они и вправду особенные: менее сантиметра в длину и в проекции их очертание напоминает равнобедренный треугольник, в основании которого вырезан ещё один крохотный треугольничек.

Матрося, Кузя, ещё бездомные коты, потом птицы и, наконец, мушки – это её мир. Я, наверное, буду такой же одинокой, как она. Наверное, к старости тоже начну кормить голубей, кошек и собак.

– Да, заметила, – отвечаю ей, ставя чайник. – Будете пить чай?

– Я буду пить чай гонсин доктора Ноны, я сегодня устала. Ты знаешь продукцию доктора Ноны? Это очень полезные продукты, мне их открыла одна моя ученица, которая живет в Ливане, когда приезжала погостить.

Тамара сама себе доктор, она читает все газеты про целительство и про народные средства. С врачами у неё отноше-

ния сложные, некоторым, она считает, лучше было бы вообще не родиться. Лечится от рака сама. Восемь лет назад её уговорили сделать операцию. Это тоже целая история: как она первые три года отказывалась от операции и даже умудрилась улучшить свое состояние. Сейчас опять есть показания, но она опять отказывается от операции, лечится народными средствами и говорит, что ей лучше. Для поддержания разговора спрашиваю:

– Что она делает там, в Ливане?

– Она вышла замуж за ливанца, который у нас учился, у неё там семья.

– Скучает? В парандже ходит?

– Может быть, но у неё там дом и дети. Муж её современный человек, поэтому она носит только хиджаб – это женский платок. Когда она собиралась уезжать, она приходила ко мне за советом. Ей очень хотелось завести семью, тем более, что отец её пил и она не испытала счастливого детства. Да и красотой она не отличалась, а он парень неплохой. Хотя, конечно, по их законам мужчина может себе позволить больше, чем женщина. Я думаю, что здесь у неё вряд ли могла сложиться достойная семейная жизнь, вышла бы замуж за какого-нибудь пьяницу и тянула бы лямку.

Смотрю на неё и хочу сказать про театр, но слова не вставить, слушаю рассказ о жизни в Ливане. Вспоминаю мусульманский культурный центр, который я сегодня так кстати посетила. Наконец, набираю воздух, чтобы сообщить радост-

ное известие, но Тамара мне говорит:

– Я смотрю, ты все время ковыряешь эту халву, непонятно у кого купленную, непонятно из каких отходов сделанную! Выбрось её немедленно! Я не понимаю, почему люди таким дурацким способом принимают яд. Даже в средние века, чтобы не умереть от яда, многие часто отказывались от яств, подозревая, что они отравленные. А у нас всё наоборот. Люди сами нарываються и ещё детей кормят. Нация вымирает. Раньше такого не было, мы питались простыми живыми продуктами. А какие дети были в нашей семье! Я научила своего племянника Фиму в 7 месяцев петь. Он повторял за мной и ни разу не сфальшивил. А его сестра Римма! Она в десять месяцев рассказывала сказку «Колобок». Правда, картавила, но мы понимали. Я помню себя с полутора лет, но расскажу тебе воспоминания, относящиеся к третьему году моей жизни, как я чуть не утонула в огромной кринке с молоком. Однажды мама пошла в црабкоп...

– Куда мама пошла? – перебиваю её.

– Я думаю, это был центральный рабочий кооператив, – поясняет она, продолжая свое повествование.

Передо мной стоит мой ноутбук, я параллельно умудряюсь работать, поэтому всё остальное пропускаю мимо ушей, а слово црабкоп записываю. Как давно это было, какие смешные слова. Тамара замечает мою невнимательность и окликает:

– Ты слышишь, что я тебе говорю?! Когда ты научишься

слушать?! А потом родилась моя сестра. Сестра была очаровательным ребёнком. Ей ещё года не было, когда она рассказывала сказку: «Снесла курочка яичко...», конечно, на своем языке, но мы её понимали. А когда ей было три года, мама однажды ей сказала: «Пойди, отнеси дяде Фиме утюг и скажи ему спасибо». Сестра пошла, постучала в соседскую дверь, дверь отворила жена дяди Фимы, тётя Мара. Она протянула ей утюг и сказала: «А нам не надо, мы не хотим».

– Вот такие были кошки и мышки, – заканчивает Тамара свое очередное выступление.

Ладно, скажу ей про театр утром.



# Театр

На следующий день, не вставая с постели, сообщаю, что мы идем в театр. Тамара выразительно поводит бровью и спрашивает: «Это в концерт или где?» И это подтверждает мою мысль о том, что шедевров мы там не увидим, но приглашение принимает.

Мы начинаем готовиться с утра. Тамара на кухне красит волосы в иссиня-черный цвет. А мне, несмотря на её настойчивые уговоры, что-то не хочется мыть голову дома, собираюсь сделать это в парикмахерской. Я каждый день моюсь на кухне в тазике с поливанием из ковшичка, а пару дней назад попробовала принять душ в туалете, получила массу удовольствий. Первое испытание – это зажечь спичкой колонку АГВ, находящуюся около входной двери в квартиру, пропустив по соответствующей трубе адекватное количество воды; естественно, что к этому ответственному мероприятию я допущена не была, так как не прошла инструктаж по технике безопасности. Зажегши колонку с третьей попытки, Тамара объяснила мне, что в туалете две трубы и три крана, два из которых водопроводчик Иван Иванович, который периодически спасает дом от Тамариных катаклизмов, категорически запретил трогать. Встав под душ и включив кран, который «можно трогать», я обнаружила, что мне на голову капает холодная вода. Сразу возник вопрос – куда же дева-

ется подогретая вода из колонки? Охлажденный мозг стал энергично выстраивать схему водоснабжения душа и, повинаясь внутреннему инстинкту, я вдруг резко открыла ещё один кран, который, по моему представлению, должен был подавать воду от колонки. Вода хлынула под сильным напором, и неожиданно душем окатило всю полку с запасами стирального порошка, мыла и туалетной бумаги, а также стенку, на которой жили треугольные мушки. Вода, не успевая уходить в слив, просочилась и на кухню; шума по поводу моей неловкости было много, и повторить этот потоп мне совсем не хочется.

Пока Томик моет голову в тазу на кухне, я пью чай и втихую поедаю халву, которую она обещала выбросить ещё вчера. Я всё думаю: ну как это её угораздило попасть из благоустроенной квартиры в такие условия. Вот уж действительно, жить на Малой Арнаутской для неё не роскошь, а как будто она гвоздями приколочена к этой улице, как памятная доска на соседнем доме, где «жил великий еврейский поэт Хаим Бялик». И, может, когда-нибудь её ученики, которые звонят ей со всего света, тоже повесят здесь памятную доску. Мне все-таки любопытно, какую роль сыграла Оля в её жизни, но Тамара постоянно съезжает с этой темы. Похоже, между ними пробежала чёрная кошка.

Я не могу сказать, что Тамара непрактична, жизнь ее не баловала. Она хозяйственна, рациональна, но быт сам по себе никогда не был целью её существования. Нежданная на

этом свете, она остро чувствовала и любила мир, в который нечаянно пришла; мир, который она настраивала по своему камертону, добиваясь чистоты и гармонии.

Она была стратегом и играла по собственным правилам. Думаю, что их дружба с Олей таки разбилась о быт. Оля подолгу жила у Тамары, приезжая в Одессу, когда она первое время сдавала квартиру, чтобы рассчитаться с долгами. Это только древние люди могли жить дружно большими племенами, а чем индивидуальнее человек, тем больше пространства он занимает, подчиняя все вокруг себя своим правилам.

Но пора собираться в парикмахерскую – голову буду мыть там, никакого АГВ. Да и сама Тамара не стала включать колонку, воспользовалась горячим чайником и тазиком.

За час до спектакля мы выходим из дома и идем пешком до Канатной, где собираемся сесть на автобус, который довезет нас до театра. Переходим дорогу, и Тамара останавливается на углу; я ей показываю, что остановка немного дальше. Но она упрямится, опять отчитывает меня, как последнюю выскочку и всезнайку, и стоит намертво. Автобус проходит мимо, мы не успеваем добежать до остановки, а когда добегаем, садимся на металлическую скамейку, чтобы подождать следующего. Теперь свой гнев она обрушивает на эту злосчастную железную скамейку, которая при холодной погоде является причиной страшных клинических диагнозов. Обличительная речь заканчивается конкретными примера-

ми с перечислением пострадавших от сидения на металле и проклятиями в адрес тех, кто эту скамейку придумал и поставил здесь. «Людям, которые своей бестолковой работой приносят только вред, лучше не рождаться на свет», – заканчивает свой митинг Тамара, увидев приближающийся автобус. Садимся, проезжаем несколько остановок и выходим на Ришельевской – во внезапно разразившийся ливень. Добегаем до театра под одним зонтом и ещё минут десять стоим у театра, чтобы обсохнуть.

Оперные театры во многих странах чем-то похожи, но одесситы любят повторять, что Одесский театр напоминает Гранд Опера. Театр построен венскими архитекторами, как и Гранд Опера в стиле барокко, но на мой непросвещённый взгляд – его интерьеры элегантнее; нет той помпезности и пресыщенности декоративными элементами и скульптурой, как в парижском театре. Я смотрю, как Тамара в своем сарафане на ляпочках и старенькой кружевной накидке, которую я заставила её надеть, чтобы прикрыть эти ляпочки, поднимается по украшенной изящными скульптурами лестнице; потом прошу её повернуться и запечатлеваю рядом с позолоченной парой, держащей торшер с лампами в виде колокольчиков.

Наконец, мы в партере и двигаемся по проходу. Вокруг нас четыре яруса лож, на потолке в золотых виньетках роспись. Занавес тоже необыкновенно красивый. Но вдруг из

состояния созерцания меня выводят радостные возгласы Тамары. Оборачиваюсь, она обнимается с женщиной средних лет в сером элегантном костюме – это её ученица. Женщина в сером сейчас работает в театре администратором, а раньше она была певицей. Как я понимаю, карьера певицы не удалась, она преподавала в музучилище, и вот теперь, на пенсии, снова в театре – без театра не может. Она провожает нас на места для почетных гостей и стоит с нами, пока в зале не погаснет свет.

Но когда начинается представление, я понимаю, что лучше было бы сидеть подальше. С сольными ариями выступают исключительно заслуженные артисты и лауреаты всероссийских и международных конкурсов, которые соревнуются в форсировании звука, попросту сказать – кто громче. Голоса резонируют в ушах, иногда срываются, а самый заслуженный баритон, упитанный мужчина лет сорока, пытаясь в несколько приемов взять верхнее фа, ещё и фальшивит. Тамара кривится и говорит мне в антракте, что они разобьют ей диафрагму своим пением. Она рассказывает, что после недавнего ремонта оказалось, что исключительная акустика театра утеряна. Под оркестровой ямой при ремонте обнаружили большое количество битого стекла и, естественно, выбросили его за ненадобностью. А когда ремонт был завершен, оказалось, что нет той акустики, которая была раньше. Вот почему, наверное, они так надрываются.

Во втором отделении нам везет больше: на сцене появля-

ется загорелый худой мужчина, похожий на итальянца; он поет арии из мало известных у нас итальянских опер и прекрасно владеет своим бархатным баритоном. Как мы узнаем после спектакля от женщины в сером: бархатный баритон много лет работал в Италии, но недавно труппа распалась, и ему пришлось вернуться домой. Пока он занимается устройством своей судьбы, поёт в оперном театре.

Выходим из театра последними. Южная ночь, горят фонари, светятся витрины магазинов; мы идем по Ришельевской, по той стороне, где ресторан вышел из каменных стен, занял весь тротуар до бордюра, отгородился от проезжей части деревянным заборчиком с плетущимися цветами так, что пройти больше негде. Они здесь настолько освоились, что буфеты с посудой и столовыми приборами поставили прямо на улице. Лавируем между ресторанными столиками, и мне нравится здесь идти; мне нравится, что это никого не раздражает – ни официантов, ни посетителей. Я попадаю в атмосферу праздника: музыка, цветы, улыбающийся стюард в белых перчатках. Я уже не соглядатай, не раздраженный прохожий – я часть этого праздника. И это не как в Париже, где вы проходите мимо уличных кафе с крохотными старенькими столиками, где люди сидят за чашкой кофе и глазеют на дорогу, по которой несутся машины – это как в Одессе, а значит в сто раз лучше.

Мне хочется присесть за столик и выпить коктейль, но Тамара, слегка наклонившись по ходу движения, неумолимо

несется вперед к остановке автобуса. Она устала, и у неё, наверное, болит диафрагма, разбитая вокалистами. Остановка рядом, на другой стороне улицы, там уже стоит автобус, потому что это конечная. Этот автобус не довозит нас до дому на два квартала, и тут опять начинается моя попытка автомобилями. Она идет по проезжей части. Машин не так много, но в ночное время они летят с большой скоростью и сигналият. Я молча иду за ней, вздрагивая и непроизвольно прижимаясь к тротуару при каждом сигнале. Быстро удаляясь от меня на этой полосе препятствий, она кидает мне через плечо:

– Тебя никто не заставляет здесь идти, иди себе на тротуар, что ты дергаешься? Нужно идти непоколебимо, тогда они будут объезжать.

– А зачем? – кричу я, – зачем так всех раздражать, мы же создаем людям помехи, может произойти авария.

Мои возражения вызывают у неё шквал эмоций, она мне тоже что-то кричит, кого-то в чем-то обвиняет, но я не слышу из-за шума машин. Я не понимаю, что это за дурацкий подвиг? Или это просто привычка, и это я психопатка, которая боится машин? Но мне уже все равно, у меня внутри лопается мембрана, которая все эти дни сдерживала её натиск, и я выпаливаю:

– Как вы можете? Это же просто террор. Вы подставляете себя под машины и человек, который случайно может наехать на вас, сядет в тюрьму из-за вашего упрямства, из-за того, что вы не признаете машины. Но они всё равно суще-

ствуют. Понимаете? Этого уже не изменить! От вас исходит сплошной негатив, вы всех ругаете. Мне трудно рядом с вами, завтра же уеду, не останусь больше. Лучше бы я сидела в своей гостинице в Туапсе и вообще у меня дел по горло. Никогда больше не приеду! Никогда!

Это производит впечатление, она как будто просыпается. Как снеговик, немного подтаивает. Не свойственное ей сомнение пробегает сначала по лицу, а затем по всей фигуре. Она даже поникла – и мне её жаль. Мы теперь идем рядом по тротуару, подходим к дому, и Тамара шепчет про себя грустно и задумчиво: «не-га-тив». Входим молча, я ставлю чайник. Потом поворачиваюсь к ней.

– Я налью вам чая?

– Нет, лапка, – говорит она, – чай – это индивидуальный продукт, я сама наливаю чай.

Мы долго смотрим друг на друга, и я спрашиваю:

– Почему вы такая?

– Сейчас объясню, – отвечает Тамара, пытаясь совладать с собой, – слушай:

«Встречаются два одессита:

– Боже мой, кого я вижу! Соломон Моисеевич!

– Да, меня зовут Соломон Маркович.

– Вы же мне будете рассказывать, как вас зовут?! Я вашего папу с детства знал, он был таким высоким и кудрявым.

– Ничего подобного. Он был маленький и лысый.

– И вы еще возражаете!!! Вы же просто не знали своего



папу».

– Это же Одеса, лапка. Я одеситка, понимаешь?

Понимаю и представляю, как они жили тут месяцами с Олей.

# После театра

На следующее утро Тамара встает рано, тихо кормит кота, и когда я просыпаюсь, я понимаю, что она уже успела что-то приготовить на кухне. Мы завтракаем в дружественной обстановке. Косые лучи солнца пробиваются в наши окна первого этажа, погода хорошая и, кажется, не очень жарко. Собираюсь на пляж в Лузановку, ни разу там не была, поеду надолго. Вчера с утра, перед тем, как отправиться в парикмахерскую, я решила окунуться, стала спускаться на пляж и вижу: какие-то желтые широкие полосы идут вдоль всего берега, спустилась ниже, на площадке около кафе слышу разговор двух мужчин:

– Я извиняюсь, это дрэк, а я сначала думал, шо это риба там плавает, – говорит полный мужчина в полосатых штанах.

– Какая ж, к чертям собачьим, риба! Когда на шестнадцатом участке около «Аркадии» канализацию прорвало, – отвечает другой, видимо, официант кафе.

Все же спускаюсь к морю, даже вхожу по колено в воду; народ плавает, стараясь обходить желтые полосы, и дети копошатся в воде. Пытаюсь ненавязчиво завязать разговор на тему: «А кто знает, что представляют собой желтые полосы с однородной массой включений?» Но моя инициатива не находит понимания у отдыхающих. Даром что отдыхающие – не хотят портить себе настроение.

Лузановка – это длинный пляж за городской чертой, но вода мелковата и народу полно, яблоку негде упасть. И по широкой асфальтовой дороге все идут и идут от трамвайной остановки до пляжа мимо бесконечных ларьков и кафешек. Как причитала моя няня, глядя в телевизор на толпы демонстрантов: «Сколько людей! И ведь каждого накормить надо, хлеба-то одного сколько нужно». И у меня тоже возникает ощущение перенаселенки: каждому нужен кусочек пляжа, и попить, и поесть, и все остальное тоже. Больше не поеду в Лузановку.

После пляжа залетаю домой, Тамары дома нет, она ушла за родниковой водой. Из-за машин она категорически не желает брать меня с собой. Вот такой у неё характер – раз сказала и все. Я вижу, что пол тщательно вымыт; пол, кстати, она мне тоже не дает мыть. Быстро переодеваюсь и ухожу. По дороге ем рыбу, пью кофе и долго сижу в интернет-кафе – у меня вдруг появилось ощущение полной свободы. Потом гуляю, меня заносит на Дерибасовскую, в кафе на открытом воздухе ем мороженое. Импозантный дом из чёрного камня, у которого находится кафе, мне определенно напоминает питерские дома. И чем больше я его разглядываю, тем больше моя уверенность в том, что точно такой дом я видела в Санкт-Петербурге. Возвращаюсь, когда уже сумерки сменились чернотой южной ночи. Мне это время нравится. Я вооб-

ще люблю бродить по ночам, люблю ночные города, которые с наступлением темноты меняют свой лик: то пугают тенями и черными дырами подворотен, то манят огнями зланных заведений и завораживают перспективой освещённых бульваров.

Тамара держит на руках кота, напряженно вглядываясь в уже разгаданный кроссворд. Она к разгадыванию кроссвордов подходит творчески, постоянно их редактирует, а про ошибки сообщает в редакцию газеты. Когда не может отгадать, звонит своему двоюродному брату; как я понимаю – это её единственный близкий родственник в Одессе. Он большой интеллеktуал и знает все. При моем появлении она со слезой в голосе вскрикивает:

– Как ты могла? Я два часа волнуюсь.

– А что случилось?

– На тебя могли напасть, сейчас такое время.

Я понимаю, что вся проблема в том, что я оставила её без слушателя на весь день и почти на весь вечер. Ещё мне вдруг вспоминается, что обычно, когда я ей звоню из Петербурга, она всегда спрашивает: «Сколько я могу говорить?» И говорит всё время, которое я ей предоставляю: даёт мне советы, оценивает политические события, выражается по поводу казнокрадов и бюрократов, жалуется, что когда она мне отправляет письма, её на почте заставляют писать на конверте «Россия», а она не признает распада СССР, и называет это событие дележкой бесчестных людей.

Успокоившись, она набирает в легкие воздух и начинает свой рассказ:

«Одесса такое место, где все друг друга знают, но в семье не без уroda, здесь тоже иногда совершаются и кражи, и нападения. Особенно в тяжелые времена, а тем более после войны, когда на свободе оказалось много разбойников.

Однажды к какому-то празднику мама пошила нам новые платья. Хоть она меня и не любила, – вставляет она свою коронную фразу, – но одевала и кормила вполне достойно. Ляле купили золотое кольцо, как она хотела, а мне подарили часы. И вот мы с Лялей и ещё с другими ребятами, мальчишками (ведь я дружила только с мальчишками) идем в кино в рабклуб. Клуб далеко от дома – на Портофранковской. Уже вечер, темнеет. Вдруг какой-то парень пробегает мимо и как бы нечаянно задевает меня за руку. Мальчишки, которые с нами шли, сразу на дыбы, но парень – такой простоватый, неряшливо одетый – на ходу извиняется и улетучивается. Через какое-то время я вдруг чувствую, что что-то не так. И когда мы уже вошли в клуб, я вдруг поняла, что часиков-то моих нет. А часики были дорогие по тем временам. Мальчишки стали думать, как поймать негодяя, но я решила поступить иначе.

Мы тогда жили на углу Канатной и Малой Арнаутской, и в нашем дворе в доме, который выходит на Канатную, жила неблагополучная семья, у них была дочка Маруся. В детстве мы играли вместе, по праздникам мама посылала им домаш-

нюю выпечку, потому что её мать-пьяница не вела дом. А когда девочка выросла, она связалась с дурной компанией и называть её стали Манька Косая Блямба, потому что она слегка косила на один глаз. Мы почти не общались, только здоровались при встрече. И я пошла к этой Маньке, подхожу, из окна слышится музыка – Манька гуляет; вызываю её во двор и всё рассказываю, прошу помочь. Манька мне ничего не обещает, но на следующий день приносит часы и спрашивает: «Твои?»

– Вот как было, вот такие были мышки и пышки, – добродушно заканчивает Тамара.

Меня клонит ко сну, да и Тамара, видно, устала сегодня. Но пока она в хорошем настроении, опять хочу спросить про Олю.

– Мне интересно про Олю, – говорю я. – Вы поменялись, ради неё, значит, она вам близкий человек. И где теперь она?

– Все мои ученики мне близкие люди, – отвечает она. – А как я переезжала! Я уже тогда была больна. Это к твоему приезду я навела порядок, а так тут даже нераспечатанные коробки стояли. А она?.. Она купила здесь квартиру, хотела переехать насовсем, но потом передумала. А квартиру сдает. Она стала похожа на прибалтийцев.

Вот и весь ответ.

# Пирушка с Раей

На следующий день мы приглашаем в гости Раю. Мне разрешается купить печенье и конфеты, я заодно покупаю и мороженое. Она долго копается на полуметровом подоконнике среди пакетиков и коробочек и, наконец, достает бутылку самодельного вина. Вино пить невозможно, оно уже превратилось в уксус, но мы с Раей пригубливаем, а возбужденная нашей пирушкой Тамара хлопает целую рюмку. Рая сообщает последние новости: какие-то люди благодарят Тамару за то, что она помогла организовать концерт, где выступал в качестве концертмейстера чей-то сын, кто-то уехал в Америку и тому подобное.

Потом Тамара открывает пианино, заваленное книгами, и собирается играть нам свои сочинения. Концерт начинается «Гимном еврейскому народу». Она исполняла этот гимн в начале девяностых в нескольких прибалтийских странах, куда её приглашали на мероприятия, посвященные жертвам холокоста. Помню, она писала мне об этом. Гимн начинается патетическими аккордами, вторая часть гимна очень лиричная, а заканчивается он трелями, похожими на колокольный звон, – впечатление производит. Потом мы слушаем украинские народные песни в её переложении. Среди этих песен любимая песня её отца.

Мы с Раей уговариваем её взять телевизор в еврейской

общине – дают даром, новый. Но ей ничего и ни от кого не нужно, если бы она захотела, родственники и ученики завалили бы её разным барахлом. Тогда я ей нахально вру, что по телевизору каждый день транслируют концерты классической музыки, что она сможет слушать мировых исполнителей, и говорю, что без музыки она живет в вакууме. И тут она оживляется, смеется и объясняет мне глупой, что ни дня в своей жизни не прожила без музыки, потому что музыка всегда звучала внутри. И люди, с которыми она часто соприкасалась, научились угадывать, какое произведение сейчас исполняется в её внутренней филармонии. Наверное, это были мужчины, но о мужчинах я совсем ничего не знаю. Заканчиваются наши посиделки обменом информацией о судьбе собак и котов, живущих в соседних дворах.

Когда Рая уходит, я чувствую, что жара спала, тянет на улицу, ведь это Юг, а на Юге нужно проводить все время на свежем воздухе. Мы так много сидим дома.

Тамара откликается на мое предложение о прогулке, решаем прогуляться к новому музыкальному театру. Когда мы идем по улице Белинского, естественно медленно, потому что она все время выискивает то птиц, то собак, которых можно покормить, на противоположной стороне улицы мое внимание привлекает двухэтажная усадьба с колоннадой в стиле ампир. За орнаментальной чугунной решеткой на портике здания висит вывеска «Ресторан Александровский». В проеме открытых ворот компания элегантно одетых мужчин



и дам в длинных нарядах. Подъезжают шикарные машины. И через всю эту толпу я пытаюсь разглядеть в глубине парка старинное здание барской усадьбы.

– Что ты туда уставилась? – спрашивает Тамара. – Мерзавцы, превратили Александровский дворец середины девятнадцатого века в ресторан и ещё гордятся этим. Это им с рук не сойдет, как, впрочем, и другие художества.

А мне почему-то хочется быть среди этих людей и разгуливать по барской усадьбе, как у себя дома. Я, наверное, неустойчива против соблазнов, меня притягивают красивые дома, нравятся одесские ресторанчики. Ещё я много времени провожу около витрин ателье мод. Обычно в витринах можно обозревать четыре-пять нарядов. Какие это платья! Они сшиты не по европейской моде, которая сейчас стремится больше к оригинальности, чем к красоте. Они сшиты по-одесски, каждое платье уникально и красиво. Большинство платьев длинные, но они не кукольные, их реально можно носить. И одесские женщины их носят. В Одессе вообще много роскошных магазинов, ресторанов и развлечений, но это не для нас с Тамарой, мы дамы серьезные – обсуждаем мировые проблемы.

Молча доходим до театра музыкальной комедии имени Водяного. Да, да, в этом театре играл знаменитый одессит Михаил Водяной – которого я больше всего запомнила как Мишку Япончика и Папандопулло из «Свадьбы в Малиновке». А потом он стал директором театра. Громоздкое бетон-

ное здание советского периода и архитектура никакая. Зато вокруг театра большая балюстрада с цветниками, лавочками и деревьями. После ухода Водяного здесь, так же как и в Театре оперы и балета, если хороший спектакль – значит это гастролы. Видно, талантливых людей в этих краях не хватает.

Она опять ищет птиц. Уже закат, и сумерки начинают спускаться мимо бесконечных ларьков и кафешек. И я ненавязчиво говорю:

– Птицы не голодные, лениво клюют. Им уже спать пора.

Зря я это сказала, мне не хватает терпения. Мне всю жизнь не хватает терпения. Она останавливается как вкопанная, поднимает на меня глаза и с укором вещает.

– Кормить птиц – это часть моей жизни. Ты не понимаешь! Ты не понимаешь, что такое Одесса! – взмахивает она руками как крыльями, – Одесса – это, прежде всего, люди. Ты знаешь, какие люди были раньше в Одессе! Я тебе расскажу.

«Однажды я ехала в трамвае, и вдруг трамвай остановился. Люди стали выходить, глядим: у двухэтажного дома собралась целая толпа и все смотрят вверх. Птицы, воробьи, беспокойно летают вокруг карниза дома и кричат. Прохожие останавливаются, чтобы посмотреть что случилось, не требуется ли их помощь. Выходит и водитель трамвая, вооруженный длинным жезлом, которым он переключает стрелку; он пробирается в центр толпы и тянется вверх жезлом, его подсаживают, но жезл слишком короткий. И мы видим, что с

карниза на тонкой нитке головой вниз свисает птенец. Кто-то уже добежал до пожарного депо, которое было неподалеку. Через минуту едет пожарная машина с лестницей, вся толпа с волнением следит, как спасают запутавшегося воробьишку и возвращают его под крышу. Знаешь, птицы для витья гнезд часто используют конский волос, вот в таком конском волосе птенец и запутался лапкой, выпал из гнезда и повис на нём».

Я опять виновата. Домой Тамара возвращается расстроенная, потому что по пути я ещё умудряюсь что-то неправильно сказать про собак, которые стаей в семь особей несутся по трамвайным путям. За свои грехи я принимаю позу покорного слушателя, чтобы, попивая чай, выслушать её очередной рассказ.

## Смерть отца

«У отца в то время работы не было,— говорит Тамара,— он был просто потерян. Он любил проводить время у старых друзей, которые уезжали из СССР. В начале восьмидесятых в Одессе многие уезжали, тогда уехала и моя сестра. Это было время разлук, но евреям не привыкать. Со времен исхода из Египта вот уже более трех тысяч лет этот народ, рассеянный по всему свету, часто гонимый, прошедший через пытки и уничтожение диктаторами, хранит свое самоопределение и высокую духовную сущность».

– Что? – спрашиваю, – духовная сущность у евреев выше, чем у других народов?

– Да, – отвечает она спокойно и медленно отворачивает голову в сторону от меня, вызывая демонстрируя свой гордый профиль. – Ты знаешь ещё какие-либо народы на Земле, которые бы со времен Двуречья сохранили свою идентификацию, свою религию – монотеистическую, замечу? Нет таких народов,— отвечает она за меня, чтобы я не мучилась, перебирая все религии за последние четыре-пять тысяч лет.

Не сильно задумываясь, выпаливаю то, что на слуху.

– Буддизм! – она так морщится, что я тоже кривлю носом и оговариваюсь, – да, да, знаю, не совсем религия и не совсем монотеистическая. Но это самая человеческая религия,

и она завоюет мир! А что там было в Древнем Египте три тысячи лет назад, тем более никто не з

– Нет такого народа, – продолжает Тамара, не обращая никакого внимания на мои доводы, и, как на уроке когда начинался шум, властно повышает голос, – который бы, как евреи, принес миру веру в единого бога; и на почве этой веры возникли бы многие европейские и восточные религии. И ты знаешь почему – потому что этот народ послан на землю с особой миссией. А твой буддизм – это просто философия, как и конфуцианство в Китае, впрочем...

– Да что вы говорите! И притом ещё с вашим неверием в бога, – перебиваю её, подняв свою славянскую голову так же гордо, как и она минуту назад. – У меня совершенно другое мнение: евреи, будучи рассеянными по всему свету, не проходили в своем развитии, как нация и государство, общепринятых ступеней от рабовладельческого строя к феодализму и дальше к монархическому или демократическому государству через технологические и социальные потрясения и войны, скажем, не теряли попусту времени. Мне кажется, что евреи – это родоплеменное понятие. Не смотрите на меня так! Всё, что было на Земле, – осталось: и рабовладение есть, и феодализм присутствует, и социализм. Я заметила, что сохранившиеся дикие племена удивительно дружно живут в своих сообществах, помогая друг другу и соблюдая укоренившуюся этику. Евреи – тоже такое племя, или несколько племен с удивительно сильным ощущением сво-

ей этнической принадлежности, своей этикой и взаимопомощью, которая есть не что иное, как инстинкт самосохранения. Они вписываются в уже существующие структуры различных государств, занимая в них, между прочим, неплохие позиции. И государства тоже выбирают, в Руанду и Бурунди, например, не едут.

– Меня не интересует твоё представление, оно не меняет порядка вещей, а только затуманивает тебе голову. Какой идиот тебе это рассказал! А то, что евреи прошли на своем историческом пути, другим народам и не снилось! – отвечает Тамара, резко сбрасывая с колен укусившего её мерзавца Матросю.

У неё всё продумано и структурно выстроено, и спорить с ней бесполезно. Да и сама тема, где именно: в Древнем Китае, в Индской цивилизации или в Древнем Египте впервые возникла вера в единого бога, – это тема докторской диссертации; пусть диссертанты и доказывают. А я даже не вижу существенной разницы в том, кто главней Христос или Дева Мария, – кровные родственники. Интересно другое: почему китайцы, индусы или египтяне не заседают в американском парламенте, как и в парламентах европейских стран, а потомки Израильского и Иудейского царств заседают и пользуются авторитетом. И действительно ли они сохранили свою идентификацию со времен бегства из Египта?

Я не семитка и не антисемитка, но росла ведь не в вакууме, и с детства знала, что не надо всем рассказывать, какой

национальности мамин друг дядя Ося и моя, тоже любимая, учительница немецкого языка Нама Львовна. И как-то я случайно подслушала, что Верховские просили папу замолвить словечко по службе, но об этом ни гу-гу. Потому что могут подумать, что папа помогает евреям, и его больше не пустят в заграничную командировку.

Тамара пишет в своей книге, что узнала про то, что люди делятся на евреев и не евреев, во время войны, когда, бросив свой дом и все дорогое и любимое в этом доме, они покидали Одессу. Это случилось на вокзале, с которого четыре дня невозможно было уехать из-за непрекращающейся бомбёжки. Там ждали своей отправки разные люди, там она и узнала впервые, что «жиды бегут из города». А я узнала об этом раньше нее; я даже ещё в школу не ходила, но знала, что у соседей Давидсонов дети сопливые, потому что они евреи.

По мере знакомства с другими народами и национальностями, населяющими нашу страну и другие не наши страны, вопрос этот постепенно терял для меня свою актуальность, хотя интерес к исторической миссии иудеев остался.

– Выходит, что у евреев всегда сохраняется высокая пассионарность, – продолжаю дискуссию, – потому что они переселяются в те государства, которые в данный момент на пике развития.

– Не морочь мне голову! – кричит выведенная из себя моими теориями Тамара, – я тебе рассказываю, как умер мой отец. А этот бред с пассионарностью здесь ни при чём. В ев-

рейской истории просто не было момента, чтобы можно было расслабиться и завалиться на печи – Обломовых не было, потому что каждое поколение должно было трудиться, чтобы выжить. Слушай про отца!

Она сосредотачивается, как будто читает текст на стене или смотрит кино, и продолжает свой прерванный рассказ:

«Чтобы не маяться от вынужденного безделья, отец помогал людям собираться к отъезду; это было его основное занятие. Людям в такой ситуации всегда помощь пригодится.

День был наполнен делами, общением, иногда перед отъездом люди раскрывались совсем в ином свете: прощали друг другу старые грехи, о которых близкие могли и не подозревать. Мечтали о жизни в свободной стране, думали, как туда добраться; ведь разрешение, в основном, давали только на выезд в Израиль. Кроме того, он постоянно что-то при-таскивал в дом. В Одессе это называется шнёверство – когда кто-то подбирает все, что оставляют отъезжающие. Может, продавал их вещи, у него ведь не было работы. Наверное, он о чём-то думал, и грусть часто обуревала его. И вот в один из дождливых осенних дней, когда он долго бродил по улицам, он простудился и слег. Никто не придавал этому значения – мама была занята хозяйством, нужно было проверить все заготовки на зиму, которые ставились в подвал, находящийся под домом. Сестра тоже собиралась уезжать и, как всегда, была занята своими проблемами, а её подруга, Ленка Мейзе-хейнер, которая была оракулом у нас в доме, сказала, что это



не опасно. Ляля всегда слушала только свою подругу. Ленка решала, какое платье сшить, стоит ли белить кухню в этом году. Ляля у неё чуть ли не спрашивала, будет ли дождь сегодня. Папа не хотел, чтобы о нем как-то особенно заботились, старался скрыть симптомы. Говорят, что врач предлагал ему лечь в больницу, но он отказался; и никто не мог ему объяснить, что положение может оказаться серьёзным. Конечно, никому не пришло в голову дать мне телеграмму или написать письмо. Он болел около месяца. А когда Ленка Мейзехейнер сказала, что нужно в больницу, было уже поздно. Я в тот момент жила в Гатчине и преподавала в музучилище. У меня было предчувствие, что в доме что-то происходит – ходила на почту, звонила неоднократно, но сестра говорила, что папа и мама здоровы. Это было накануне зимних экзаменов, и бросить учеников в такой момент без особых причин, ты же знаешь, я не могла.

А они с Ленкой по своей глупости недооценивали ситуацию. Когда я освободилась, немедленно взяла билет и поехала. Приезжаю – отец в больнице. Он был настолько нетребователен, что ему все было хорошо. Он не жаловался, а они просто не видели, что он тает. Я не отходила от него несколько дней, он слабел. Мама, которая несла на себе все домашние заботы, из-за этих идиоток не сориентировалась вовремя в ситуации, а когда поняла, уже было поздно. Она плакала, винила себя во всем. А потом, когда его уже не стало, она сказала мне: «Он не заслужил этого, это ты его погубила».

# Прекрасная Сара

Сегодня полнолуние, на море безумная красота. Гуляю на закате вдоль моря по нижней террасе, потом спускаюсь на пляж; солнце уходит за горизонт, обрамляя это действие множеством красок; все ярче становится прозрачная луна. Долго смотрю вдаль на дрожащую на волнах лунную дорожку. Запоздалые купальщики спешно собирают свои вещи. Одной на пляже становится страшновато. Тоже собираюсь, поднимаюсь два марша вверх на среднюю террасу, откуда море еще видно. Пройдусь до следующей лестницы, которая ведет на мою улицу. Но темнеет быстро и людей мало, разве что проедет велосипедист или парочка на роликах. Деревья, освещенные поднимающейся с моря луной, бросают длинные черные тени. А что в этих тенях? Становится жутковато, когда попадаешь в тень, слышатся какие-то звуки. Наконец выбираюсь на улицу Лермонтова. Дохожу до кафе, где в следующем году будет Wi-Fi; заказываю кофе с пирожными, сижу и думаю о нашей с Тamarой жизни.

После того, как я дала отпор Тамаре по дороге из театра, когда грозила немедленно уехать, что-то изменилось. И я сейчас достаточно комфортно чувствую себя в нашем доме, если, конечно, не принимать во внимание мелкие бытовые неудобства (старюсь смотреть на жизнь её глазами). После того, как ушла моя мама, никто обо мне так не забо-

тился, как Тамара. Когда я периодически звоню из Петербурга, она в первую очередь спрашивает, как мое здоровье; всегда дает советы, как пережить очередную эпидемию гриппа, предостерегает от хронических заболеваний и жестокости дурных людей. Она всегда беспокоится, чтобы меня никто не обидел: ни мои дети, ни сотрудники или начальство. Она мне говорит... Нет, не буду повторять что именно; просто она говорит так, что я чувствую себя особенной, почти такой же, как она. Иногда она присылает книги, которые мне обязательно должны помочь в разных жизненных ситуациях – одним словом, воспитывает.

Удивительно, что я живу здесь уже почти две недели, просто так, незаметно для самой себя, хотя дома ждут дела. С самого начала что-то внутри мне подсказывало, что быстро я не уеду. Когда я её увидела, сердце сжалось – человек не должен оставаться в старости один. Да, по сути, она и не одна, у неё много друзей; соседи говорят, что к ней каждое лето приезжает кто-то из учеников или родственников. Вот была Оля... Чем ближе отъезд, тем чаще я вспоминаю про неё. С Олей она всё-таки была бы не одна. Но она вычеркнула из своей жизни эту Олю так же, как вычеркнула тротуар, на котором всего лишь в некоторых местах вздыбилась плитка. И теперь она ходит по проезжей части. И в жизни она тоже шагает по проезжей части.

Придя домой, застаю очередную сцену с котом. Кот залез на полку с полотенцами в её крохотной спальне. И она

кричит, прогоняя кота полотенцем: «Вон скотина! Попробуй только сюда залезть снова! Тварь! Зёзик никогда никуда не залезал. А этот психический».

Догадываюсь, что Зёзик – это ласковое название предыдущего кота Мурзи. Но на всякий случай не уточняю. Хочу поработать сегодня вечером. Но, кажется, не судьба. Тамара явно не в духе; полнолуние, видимо, на неё действует. Она кричит мне из кухни, что опять дрозодилы на помидорах, которые я, конечно, не умею покупать. Сгнивший кабачок. Удивляется, зачем мне два десятка яиц, о которые она устала спотыкаться. А что мне ещё есть? Здесь моя диета и так изменилась. Мне уже не хочется мяса животного, про которое я ничего не знаю, а мяса животного, про которое я что-то знаю – тем более. И яйца я покупаю не у кого попало, и втайне надеюсь, что они пригодятся в хозяйстве. Но что-то у меня с готовкой не получается. Дома я готовлю, не задумываясь, быстро и, говорят, вкусно. А здесь мы с ней питаемся творогом со сметаной, салатами, фруктами и чаем с булками. Вернее, это я ем фрукты, а Тамара ест только вишню.

Я, правда, иногда захожу в кафе и заказываю себе рыбу. Последний раз в кафе я ела потрясающий форшмак из щуки. Здесь щука редкость, не спросила, где они её взяли; понятно, что на рынке, но откуда она была родом?

Наливаю себе чай и выкладываю на тарелку булочки, которые испокон веков пекут на Малой Арнаутской. Тамара усаживается в свое кресло, вытягивает уставшие ноги на стул

и начинается.

– Я тебе не рассказывала про сестру матери Сару?

– У меня в голове такая каша из ваших родственников, и ещё хронический недосып, что я просто не в состоянии запомнить, кто есть кто, – отвечаю ей со вздохом, как ученица, от которой требуют больше её возможностей, и совсем не намекаю на причину недосыпа.

Ведь кроме жизнеописаний Тамариных родственников я последние дни каждый вечер перед отходом ко сну слушаю ещё и восточную сказку. Засыпаю теперь систематически в третьем часу, думая о хитром или жадном визире и дервише, который благодаря своей ловкости или уму, или просто везению в конце обязательно разбогатеет и покорит красавицу. Я начинаю думать, что тема везения в восточных сказках – это тоже своего рода психотерапия, потому что засыпаю быстро и с хорошим настроением просыпаюсь.

«Ну как же! Она была необыкновенной красавицей, – продолжает Тамара, поводя своими четко вычерченными черными бровями, – Сара была лилейна. И бабушка её берегла, одевала в сафьяновые сапожки и покупала ей шелковые туфли. Она была старше матери. И ещё до того, как мать познакомилась с моим отцом, к ним стал ходить один студент-медик.

Он был из бедной деревенской семьи, но желание стать врачом было настолько велико, что он рискнул приехать в Одессу и поступить в Медицинский институт. По вечерам

или по ночам он часто работал, потому что никто ему не помогал, да мало того, ещё в семье случались всякие проблемы: то болезни, то голод, и ему приходилось помогать им. Он познакомился с Сарой, когда учился на третьем курсе. В это время он жил на квартире на той же улице, где жила семья моей бабушки. Он жил на этой квартире по многим причинам: шла гражданская война, надвигалась разруха, и институт не мог обеспечить всех общежитием и, кроме того, за общежитие нужно было платить. А хозяева, у которых он жил, не брали с него платы, они даже уговаривали его не уходить. Он был парень трудолюбивый и много помогал им по хозяйству. Хозяева были из мещан, уже не первой молодости. Они были напуганы гражданской войной, частой сменной власти и всей той кутерьмой и неразберихой, которые царили в Одессе в начале двадцатых годов, и считали, что молодой человек и к тому же медик может пригодиться. Так оно и вышло.

У этих мещан была дочка примерно такого же возраста, как и студент. Она с детства была инвалидом. Бабушка не рассказывала, какая у неё была болезнь, но она была неизлечима.

И вот, когда студент уже заканчивал свое обучение и у него даже появилась практика и какие-то доходы, и, естественно, за квартиру он уже стал платить регулярно, он собрался посвататься к прекрасной Саре. Но об этом узнали его хозяева. И хозяйка сказала ему: «Давай деньги за все го-

ды проживания у нас или женись на нашей дочке-инвалидке». Она насчитала огромную сумму, которой тогда ни у кого не было. Это случилось в начале двадцатых годов, когда Одесса уже стала советской и шла очередная волна бандитизма».

– И что? – перебиваю, увлекшись рассказом.

– Ничего, слушай, – отвечает Тамара.

«У него созрел план бежать. Он пришел к Саре и рассказал про свой план. Он стал хорошим врачом, и найти работу в другом городе для него проблемы бы не составило. Но Сара ему ответила: «Я не девка, меня нельзя украсть».

– Тамара, – говорю, называя её по имени, что случается со мной весьма редко, – а нельзя было в кредит выплачивать долги, а ещё лучше – сначала жениться на Саре, не тайно, а объявив всем, как полагается, а потом разбираться с долгами. Ведь Сара знала все и могла понять?

– Ты сиди и слушай! – заводится Тамара, – это сейчас в каждой лавочке своя конституция-проституция, а в те времена была Честь. Они бы опозорили его на весь город. И зачем Саре такая слава? Он женился на уродке, – вздыхает она. – А через много лет он пришел к двоюродному брату Абраму и спрашивает: «Сара всё такая же красавица?» А Сару к этому времени уже смяло. Бабушка берегла её, но лицо, которое было, как лепестки роз, завяло, а руки, белые как лилии, огрубели и состарились до срока. Сара не дожила до старости; она сгорела рано».

До слез жалко «прекрасную Сару», которая из-за высоких принципов, которые всего лишь остаются принципами, обрекла себя на муки. Интересно, как бы поступила Тамара? Ведь она никогда не ставила отношения с мужчинами выше других человеческих отношений. А фраза Сары: «Я не девка», наверное, стала гордостью семейной истории. И за эту гордость Сара заплатила своей жизнью. Не верю – наверняка было что-то ещё более обыденное, недостойное Тамариного внимания. Но в таком варианте её родная тетка, Сара, вошла в историю как преданная и беззащитная, совсем как Сольвейг.

Хочу на ночь закрыть дверь на лестницу, которая целый день открыта нараспашку, и все, кто проходит мимо, может созерцать, как мы с Тамарой шастаем по квартире в неглиже. Этих «всех», правда, немного: сосед с велосипедом, его жена и иногда приходящие родственники. Матрося, очевидно, растроганный печальной историей, срывается с её колен и вылетает в дверь. Тамара идет сама закрывать дверь, чертыхаясь на кота, и желая ему спокойной ночи на чердаке.

Я думаю, что восточной сказки сегодня уже не будет.



# Исаак значит Саша

На следующий день с утра у нас трезвонит телефон. Звонит её сестра из Канады, звонит Рая, потом Ида Львовна, которой Тамара помогла организовать концерт, потом звонит ученица из Англии и ещё чей-то муж из Южной Африки. Ну конечно, одна я не знаю, что у неё сегодня день рождения; может, ещё Оля не знает, ведь она не позвонила. Если она вообще существует, эта таинственная Оля.

– Будем отмечать, – говорю непреклонно.

– Не будем, лапка, сегодня, – отвечает она, как обычно уверенно и твердо. – Видишь фотографию на серванте – это мой ученик, он погиб в этот день, я не смогла его спасти. Ему было двадцать семь лет. Ты сходи в свой интернет, а я тут немного по хозяйству. Я смотрю, ты мало носишь украшений, возьми на трюмо в коробочке красные бусы, они очень подойдут к твоему платью. И губы не забудь подкрасить.

Она хочет остаться одна. Хотя в моем пухлом чемодане полно всяких украшений, я открываю её сундук сокровищ: меряю бусы, серьги, браслеты – все это бижутерия шестидесятых годов. Но Тамаре нравится. Она всегда носила украшения, конечно, недорогие, но тогда смотрелись они эффектно. Ей будет приятно, если я приму это наследство. Ухожу в красных бусах из пластмассы. Ещё надеваю браслет из настоящего перламутра. На улице рассматриваю себя в вит-

ринах: на мне сарафан из тонкой розовой ткани с красными размазанными пионами, спускающийся углом почти до земли, а по бокам короткий. Бусы в тон моих пионов, браслет блестит на солнце, а на плече у меня висит большая черная сумка с ноутбуком, как колчан со стрелами. Просто дочь Зевса – Артемида. Выхожу на Большую Арнаутскую и почему-то вспоминаю редактора еврейской газеты. Наверное, потому что все серьезные евреи ходят по Большой Арнаутской. И точно – впереди меня идут двое мужчин. В черных костюмах (в жару), в кипах и широкополых черных шляпах. Я вижу вязаную кипу, потому что один из них снял шляпу и несет её в руке. Они говорят о деле. Мне жутко любопытно, и я пристраиваюсь за ними. Удастся расслышать только обрывки фраз: «Почему бы и нет... конечно, конечно... а-а-а, нужна помощь, а кому помощь не нужна?» Далее я разбираю, что-то типа «Я вас умоляю. Это же очень просто...». Но, зато с какой интонацией они это говорят! Спокойно и свободно. Одесса – удивительный город – дом для совершенно разных людей. Жара крепчает, приходится их обогнать, чтобы поскорей добраться до интернет-кафе, где работает кондиционер.

Возвращаюсь вечером, в квартире прохладно, потому что Тамара протирала полы. Она, как обычно, сидит в своем кресле с котом и кроссвордом и держит телефонную трубку на длинном шнуре. По выражению лица понятно, что себе-

седника она ценит, но сдаваться не собирается, мягко убеждает в своей очередной правоте.

Она разговаривает с одним из своих двоюродных братьев, звать его Саша. Он значительно моложе её, живет в Одессе и немного приглядывает за ней. Это родственник по линии матери, образованный, уважаемый и деловой. Я уже слышала о нём. Но только не могу понять, сколько ему лет и где именно в Одессе он живёт, да и имя его мне тоже не совсем ясно. Он уговаривает её взять телевизор в распределителе. Наверное, Рая ему позвонила. Тамара пристально смотрит на меня, в её взгляде готовность что-то сделать, чтобы я правильно питалась.

– Сейчас, – говорит она, повесив трубку, – я закончу с Матросей, и мы будем ужинать. У него тут блоха на блохе и ещё блохой погоняет – где-то шлялся, скотина. Я, кстати, не рассказывала тебе про Сашу? Сейчас расскажу.

Матрося чувствует послабление, спрыгивает с колен и сматывается через открытые двери на лестницу. Я становлюсь единственным объектом внимания, сразу перехватываю инициативу и скороговоркой произношу:

– Я есть ничего не буду, заварю чай, не беспокойтесь.

Насыпаю в чайник чай «Ахмад», накрываю полотенцем. Чай получается крепким и ароматным. Я с удовольствием пью. Тамаре я тоже накапала немного заварки в кипяток. Она делает несколько глотков и морщится.

– Чай слишком крепкий. Как ты, рыбка, можешь пить та-

кой чай? Он мне что-то напоминает... вспомнила – марганцовку.

Я вздыхаю и молчу. Тут она снова вспоминает про полчища блох у Матроси на шее и выглядывает в кухню. Кот стоит в дверях. Он колеблется: войти или нет.

– Ко мне! – командует Тамара.

Но кот не спешит, раздумывает. Тогда она набирает воздух и орёт что есть мочи:

– Матрося! Идешь, нет? Не делай мне уши! Мне такие заразы не нужны!

Кота призвать к порядку не удастся, он совсем исчезает из дверного проема. Она машет рукой ему вслед и начинает свой рассказ про Сашу.

– Это целая история, – говорит она, положив обе руки на стол.

Когда она жестикулирует руками, я не могу оторваться. Нет ни отеков, ни следов подагры. Длинные пальцы с узкими ногтями прекрасно сохранили свою классическую форму.

– Какие у вас красивые руки, – задумчиво перебиваю её.

– Да, лапка, я знаю. Я за всю свою жизнь не видела рук красивее, чем у меня, – говорит она между делом. – Но слушай.

«Сестра моей матери вышла замуж за детдомовского; отец его был аристократ, а мать прислуга. Но мать умерла рано, а отец не смог его признать и взять в свою семью. Ему всё-таки удалось получить образование, может отец и помог, не знаю.

Он стал специалистом по сельскохозяйственной технике и работал начальником механической мастерской, которая после войны стала частью Механического завода. Он был такой честный, что его семья проголодала всю жизнь. Особенно в тридцатые годы. В мастерских раньше выписывали талоны на корм для скота, но он их не брал, а раздавал рабочим, которые жили на окраине города. Тогда многие держали скотину, чтобы прокормиться. Хотя эти талоны можно было обменять на продукты. Вот в этой семье и вырос мой Изя».

– Какой Изя, вы же говорили про Сашу? – спрашиваю её. – У меня от вашей родословной точно каша в голове.

– Внимательнее слушать надо, – ухмыляется с недоумением Тамара. – Исаак, Исай, а ласково Саинька, можно Изя.

– А при чём тут Саша?

– Ты что, совсем не соображаешь? Где ты в шестидесятые годы видела директора завода по имени Исаак? Не перебивай меня, слушай дальше.

«У Саши была жена Галя. Галя во время войны бежала с оккупированной территории со своей полоумной мамашей и младшей сестрой. Я говорю «полоумной», потому что её мать в детстве получила травму и была не совсем адекватна, хотя внешне она была красивой женщиной. Им пришлось пересекать линию фронта и прятаться от немцев. Они отстали от других сельчан и заблудились в лесу. И на помощь им пришел молодой лейтенант – бесстрашный красавец, за которого Галя, будучи ещё глупой девчонкой, и вышла замуж

после войны. Как ты понимаешь, – продолжает она со вздохом, – это была война и просто страх остаться одной, а никак не любовь. Но жизнь после войны – это совсем другая жизнь. Он оказался деревенским парнем и увез её в село в дом своей матери. Галя, которая раньше училась в музыкальном училище, так и не смогла приспособиться к деревенской жизни: орудовать ухватами, косить, не говоря уже о том, чтобы дойти корову. Деревенская жизнь не пришлась ей по вкусу; она пару лет промучилась и сбежала от своего мужа; окончила училище и получила распределение в Одесский оперный театр. Это было в пятидесятых годах. Было лето, в театре почти никого не было, и вопрос об общежитии никто не мог решить. Одесса была полуразрушена, и многим людям было негде жить. Оставшиеся на лето в театре сотрудники труппы решили: раз человеку негде пристроиться, пусть спит в театре. И так случилось, что в это время мой Саша, который пошел по стопам отца и стал тоже инженером, случайно познакомился с ней на пляже. Саша окончил институт, пошел работать на Механический завод, как его отец, но жил в общежитии, потому что квартира у них была маленькая, а народу там жило много.

И вот, как-то вечером идет Саша по Дерибасовской и видит, как бежит растрепанная и испуганная Галя. Он догоняет её, и выясняется, что девушка попала в историю. Ей, наконец, удалось снять квартиру у одной женщины. Хозяйка привела её в дом уже поздно вечером и указала койку у са-

мой двери. Свет не зажигали, чтобы не разбудить других постояльцев. Уставшая девушка прилегла на кровать и уже начала засыпать, как вдруг на нее набросился мужчина. Она кричала и дралась, и когда включили свет, оказалось, что в комнате на кроватях, топчанах и даже в углу на матрасе спали люди обоего пола, скорее всего, рыночные торговцы. Галя схватила свои вещи и выбежала на улицу. Она бежала в театр, чтобы попроситься у вахтера на ночлег.

Когда Саша рассказал мне эту историю, я, естественно, предложила ему: «Веди её к нам».

Девушка прожила у нас пару месяцев и вызвала из Киева мать с сестрой, так как мать нельзя было оставлять одну, слишком глупа она была. Что и подтвердилось. Когда мать получила письмо с приглашением приехать к дочери в Одессу, первое, что она сделала – сдала квартиру».

– Квартира в Киеве стоила, наверное, дороже, чем в Одессе, – говорю ей.

– Ты не понимаешь! Она сдала квартиру государству. Выписалась. Она пошла в жилконтору и отказалась от квартиры в Киеве, написав заявление, что уезжает на постоянное место жительства в Одессу.

– Вот уж, действительно, сумасшедшая!

– И они жили у нас около года, пока папа не нашел им полуподвальную комнату, где они все прописались. И нам не было тесно в двухкомнатной квартире.

– Ужас! – говорю искренне, представив сумасшедшую ма-

машу Гали.

– А я рада, что жизнь прожила именно так, что никогда не была сволочью. А как я защищала своих учеников. Они все были мои дети. Я ездила в армию на присягу, и даже был случай, когда мне удалось защитить ребёнка в армии. У меня тогда учились дети многих известных в Одессе персон, и они просто испугались, что безнравственными порядками в армии очень многие известные люди будут недовольны. Что ты думаешь, они моментально перевели ребёнка, который подвергался у них издевательствам, в другую часть. И я приезжала в эту новую часть и проверяла, как обстоят дела.

Вот так всё и было



# Прогулка

Хотя уже середина июля, но с утра прошел дождик и жара немного спала. Сегодня мы идем в город. Тамара будет моим экскурсоводом, может, посидим в кафе, если мне удастся её уговорить. Несколько остановок мы проезжаем на автобусе, где я плачу за проезд и не беру билета у кондуктора. Тамара одобрительно кивает.

Из автобуса выходим на Дерибасовской и идем потихонечку до Садовой. Когда проходим мимо отеля «Моцарт», Тамара начинает метаться, как будто что-то ищет.

– Не понимаю, где она, где? – восклицает она, – где моя Первая музыкальная школа? Это была первая в России музыкальная школа-интернат для одаренных детей, созданная Столярским. Где она?

Она напрягается и не может узнать окружающие нас дома. Мы идем по тротуару мимо ресторана: у входа стоят кадки с огромными деревьями и, как восковая фигура в стиле девятнадцатого века, застыл метрдотель в ливрее. Ничем не могу помочь, мне здесь ничто не напоминает музыкальную школу. Думаю, что теперь это отель, названный в честь музыкальной школы «Моцарт». Вот так. Я ей говорю, что каждое поколение имеет право менять город на свой лад, ведь сколько поколений уже внесли свою лепту. Но Тамара грозно смотрит на меня и кричит:

– Молодежь распустили – и жрите это! Увидите, что из этого выйдет! Погоня за удовольствиями, за прихотями, ненасытные! Эксклюзивное потребление! Ты знаешь, – спрашивает она, размахивая руками, – что золотого тельца нельзя насытить, что свой распущенный живот не накормить, и нрав испорченный обуздать невозможно? Увидишь, к чему это приведет!

Наверное, она права, потребление нелинейно и стремится к бесконечности. Погибнем, думаю, из-за разврата как древний Рим.

Она успокаивается, только когда мы входим в парк. В парке она любит бронзовые фигуры львиц с детенышами и спешит мне их показать. А рядом бронзовый стул Остапа Бендера, на котором все фотографируются. Но пробиться к стулу великого комбинатора можно только в ожесточенной схватке с толпой.

Покидаем парк и направляемся к Соборной площади. С площади открывается перспектива на дом необычной архитектуры, который чем-то напоминает Римский Колизей, наверное, своими полукруглыми очертаниями и частичными развалинами. Хотя дом сильно разрушен со стороны Садовой, глаз от него не оторвать. Мы садимся на лавочку в сквере напротив и смотрим. Здание уникальное, с характерным для Одессы середины девятнадцатого века обилием элементов позднего барокко в виде карнизов, фризов и множества изящных колонн, обрамляющих парадный подъезд и окна.

– Знаменитый дом Гаевского, – рассказывает мне Тамара, – здесь более ста лет располагалась Аптека Гаевского. Это старейшая аптека, здесь с момента основания был самый большой ассортимент лекарств во всей Украине, много лекарств изготавливалось по рецептам. Это была не просто аптека, а центр фармакологии с высоким уровнем культуры и милосердия. Аптека пережила все войны и режимы. Здание давно нуждается в ремонте, но его никак не могут поделить, а два года назад тут устроили пожар.

Читаю в путеводителе: «Памятник архитектуры «Дом Руссова», в 1878 году здесь была основана аптека, которая впоследствии стала называться «Аптекой Гаевского и Поповского». Тамара продолжает меня просвещать, перечисляя ассортимент аптеки: от разнообразных лекарств, гомеопатии, минеральных вод, косметических и гигиенических средств до множества разновидностей кружек Эсмарха (попросту клизм) и приборов Рива Роччи (попросту тонометров), которые можно было здесь купить в конце девятнадцатого века. Прищуриваю глаза, и теперь дом с башенкой над центральным входом кажется похожим на затерянный в джунглях буддийский храм.

Вечером Тамаре звонит преподаватель по классу скрипки Ида Львовна. Тамара возмущается, что нет больше Первой музыкальной школы, в которой учился Даня Шандарёв, Лиза и Эмиль Гилельс и многие другие. Оказывается, для её

подруг это уже не новость. Её пытаются успокоить: школа есть, но в другом месте и другая школа; пришли иные времена, земля в центре города стоит денег. Но она бушует и кричит в негодовании:

– Того, кто придумал технический прогресс, нужно было повесить при рождении. От него (технического прогресса) только копоть и масляные пятна на воде. Человечество должно было развиваться, познавая законы природы и живя в единении с природой, а иначе расплата – неминуема!

– Все равно, – говорю, – мир погибнет или деградирует до крайности. Какая разница, раньше или позже.

Тамара вытаращивает на меня глаза и даже встает со стула; поймав свое отражение в длинном зеркале, стоящем между двух окон, она окидывает комнату и заодно меня каким-то особенным, возвышенным взглядом и продолжает, теперь уже глядя на меня с доброй улыбкой, как мы смотрим на братьев наших меньших:

– Что ты говоришь?! Жизнь удивительна! Это такое счастье, что мы живем на Земле. Это бесценный дар, как ты не понимаешь! Быть живым существом, даже растением, это же просто удивительно. А люди жестоки, они уничтожают растения, животных, топчут все, что их окружает, вместо того, чтобы бесконечно любоваться всем тем, что дала им Природа, чтобы любить все это и чувствовать, какая доброта и любовь исходит от существ иных, чем человек. Многие в этом не виноваты, они живут в такой мерзкой среде. Но ты, моя

ученица, как ты можешь так думать?!

## За два дня до отъезда

Сегодня с утра выяснилось, что пропал кот Кузя. Говорят, что последний раз он появлялся вчера вечером. Тамара вышла во двор вешать белье и, узнав эту грустную новость от дворника, опросила всех соседей, которые появлялись для дачи показаний в открытых окнах своих квартир или на балконах.

– Конечно, он сбежал от такой жизни, – расстраивается она и отказывается от утреннего чая. – Нужно будет поговорить с Толей, пусть приведет в чувство эту живодёршу.

– Неужели вы думаете, что Толя из-за кота будет ссориться с женой? Вы же говорите, что в Одессе женщина решает все.

– Да, в Одессе женщина – это Женщина! И где бы я ни была, я всегда чувствовала себя Женщиной, и именно так относились ко мне мужчины. Но, если женщина сама не хочет поддерживать свой высокий статус, порочит его своим гнусным поведением, то какая же она Женщина!

Я очень сочувствую ей в связи с пропажей кота, но мне хочется поскорее исчезнуть из её поля зрения. Кажется, она подбирается к моей личной жизни. Кроме того, нужно немного поработать, мне прислали статью на правку, необходимо срочно её вычитать. Поэтому я незаметно просачиваюсь на лестницу и уже оттуда, отпирая дверь «ключом от

собора», неуклюже извиняюсь и сообщаю, что ухожу в интернет.

К вечеру Кузя не находится. Трудно предположить, что он отправился на кошачью свадьбу, уж очень вид у него непрезентабельный в облезшей шкуре. Но я утешаю Тамару, как могу.

Как обычно, ставлю чайник с родниковой водой и чувствую, что за чаем она немного успокаивается – видно, готовится к своему вечернему выступлению. Интересно, что будет сегодня – рассказ или сказка? Я уже привыкла засыпать под голос за кадром. Пару дней назад она прочла мне обзорную лекцию по сказкам со сравнительным анализом их изложения в разных странах Востока. У меня дома неплохое собрание сказок, но я давно ничего не читала, очень давно. А зря, в сказках больше мудрости, чем во многих современных эссе. Она рассказывает арабские и персидские сказки наизусть, все до мельчайших подробностей. Помню, что в детстве восточные сказки я перечитывала по несколько раз, потому что за утонченной велеречивостью иногда теряла смысл.

Сегодня она начинает со сказки. Это история то ли про удачу, то ли про судьбу: маленький мальчик остается один, но ему везет, его подбирает знатный торговец – воспитывает и учит ремеслу. Мальчик умен и трудолюбив, ему постоянно сопутствует удача. Он вырастает и вот уже свои каравана-

ны с зерном посылает туда, где зной уничтожил урожай, караваны с одеждой – туда, где настали невиданные холода, а прослышав, что шах женится, снаряжает во дворец караваны с драгоценностями и шелками. Мальчик и сам со временем становится шахом – но вдруг внезапно разоряется и, оставив семью, идет бродяжничать, как простой дервиш. Далеко от дома он поступает во служение к знатному человеку, работает не покладая рук, и хозяин хочет его щедро отблагодарить за труды. Но бывший шах не берёт денег; он просит, чтобы ему дали три косточки персика и позволили поработать ещё три года. Через три года у него вырастает три прекрасных дерева – это знак того, что удача снова повернулась к нему лицом. Он возвращается домой и, действительно, у него всё теперь получается, дела идут на поправку.

Закончив свое повествование, она спрашивает:

– Ты поняла?

– Да, – отвечаю, – сначала нужно кинуть кости и убедиться, что тебе везет, а потом приниматься за дело.

Она улыбается, понимает, что я лукавлю, и пристально смотрит на меня, словно сканирует каждую клеточку моего мозга. И вот начинается разбор полётов.

– Какая ты интересная, – говорит она, глядя на меня с милой улыбкой. – Почему ты одна? Ты ещё молодая женщина, ты можешь выйти замуж, мне кажется, тебе это нужно. Дети тебя уже не держат.

– Не смешите меня, – отвечаю ей тоже с улыбкой, – знаю



я этих мужчин.

– Я тоже знаю мужчин, – говорит она с неколебимой уверенностью, – я с детства дружила только с мальчишками; мужчины всю жизнь были моими лучшими друзьями. Помнишь, я как-то приходила к вам в гости с моим другом Вадимом, когда по телевизору транслировали театр «Ла Скала»? Он всегда был настоящим другом. Ты знаешь, с моей прямотой я нередко попадала в различные истории, он сильно меня выручал. Его, к сожалению, уже нет.

– Помню. Он на вас так смотрел, что понятно было, почему он о вас заботился. У меня тоже всегда было много друзей-мужчин. Это те мужчины, которые были в меня влюблены или я их чем-то другим привлекала, но не дружбой. По-настоящему мужчины дружат только с мужчинами. Они не могут понять женщин.

– Могут! В нашей семье мужчины всегда были преданными. Да я и не слышала, чтобы могло быть иначе.

– Конечно, иначе быть не может! – отвечаю ей, – вы же ничего не слышите, если не хотите этого слышать, как будто живете на Луне. Дети все гениальные, мужья преданные, никто не ругается матом, все обходятся чем бог послал. При этом трогательно играют на скрипке и берегут природу. Со всем забыла – никто не напивается вообще, не то чтобы до поросычьего визга. А мне кажется, что преданным может быть только влюбленный мужчина, не получивший взаимности или неуверенный в себе, который считает себя недостой-

ным своей избранницы. Я натуралист, изучаю людей «как есть», их условия жизни и повадки. Есть ещё всякие вещи типа долга, связанного с воспитанием детей или другими обстоятельствами, нежелание делить общее имущество и тому подобное; но это к преданности не имеет никакого отношения – это совместное натягивание тетивы, которая либо выстрелит когда-нибудь, либо порвётся, ударив по лбу обоим с силой, пропорциональной её натяжению.

– Это неверно, – говорит Тамара, вздыхая с грустью, – у тебя все с ног на голову поставлено. Женщина первична, от неё одной зависит, любит её мужчина или нет.

Я закатываю глаза к потолку, потом обвожу взглядом нехитрые предметы интерьера: старомодный сервант, в котором на каждой полке фотографии родственников и учеников; в углу маленький столик из натурального дерева, а над столиком в рамочках вышитые пейзажи, подаренные ученицей – зима и лето. На пианино тоже самодельные безделушки. А на стуле, вплотную придвинутом к деке, под клавиатурой спокойно дремлет Матрося – и я ему завидую.

Я не хочу отвечать, но она всё равно не отступит, поэтому продолжаю.

– Я тоже знаю жизнь. В молодости планы на будущее и благоустройство молодой семьи. А потом, как только у мужчины появляется достаточное количество денег, чтобы организовать это благоустройство ещё и для молодой любовницы, семьи рушатся повально. Посмотрите на артистов, поли-

тиков, чиновников, я уже не говорю о бизнесменах; посмотрите на Рублёвку, где живут так называемые «матери их детей», то есть брошенные жены. Сейчас молодой девушке не стыдно выходить замуж за старого обрюзгшего мужика, если у него есть деньги.

– Ты меня удивляешь. Причём здесь какие-то рублёвки? Откуда у тебя этот вздор в голове?

Тамара встает со стула, чтобы самолично поставить чайник, и, переступая мою демаркационную линию, рубит с плеча.

– Скажи мне, как ты жила с мужем? Как вы разошлась? Он обижал тебя? Он пил? Он хоть раз на тебя руку поднял? Ну скажи, признайся!

Она очень давно была в моем доме, когда мы ещё жили дружно. Почему у неё осталось такое впечатление? Может, она просто видела то, чего я тогда не замечала. Мужчина рядом со мной, по её представлениям, должен был быть более красивым, более интеллектуальным и, наверное, должен был носить меня на руках.

– Нет, не бил и не пил, разве что в компании. Но он много времени проводил со своими друзьями или в бизнесе. Он всегда любил машины, и в какой-то момент ему удалось хорошо устроиться в автомобильной фирме. Появились деньги – и появилась другая жизнь. Как в компьютерной игре – за бонусы можно купить ещё одну жизнь.

– Что за бонусы? Зачем ты эту чушь забиваешь себе в го-

лову? Я ничего не понимаю! – возмущается она, – у нас в семье такого не было, никогда! И я ничего подобного даже не слышала.

– Где вам слышать? Вы ведь всю жизнь не признавали телевизор, а сплетни не собираете.

Она прощает мне этот выпад, у неё созрела мысль, которая кажется ей более важной.

– Почему ты так низко себя ценишь, ты – женщина с двумя образованиями, с интеллектом, ты – неординарная женщина!

Тамара явно волнуется, глаза её наполнились грустью, а жесты стали театрально выразительными. И чтобы добить меня до конца, она задаёт риторический вопрос: «Кто он был? Я видела его – обыкновенный мужлан!»

Но почему она не может поверить, что в моей жизни было много счастья? Что я была влюблена, что мы радовались, когда рождались наши дети; что, в конце концов, нам завидовали, потому что у нас всё было хорошо. Она просто мстит за одну из своих любимых учениц – за своего ребенка, выкрикивая всё это в пространство, как будто тени, там обитающие, могут нас услышать.

– Неправда! – теперь я сотрясаю воздух своим криком. – Он был гениальный инженер, а я всегда любила неординарных.

– Я помню, сколько ты для него сделала, – продолжает она, совершенно не обращая на меня внимания, – когда он

попал в аварию, ты все ему отдавала, ты героически тянула семью, воспитывала детей. Ты работала по ночам. Я помню, как болела твоя мама, – и все это было в тяжелые годы. Когда я приезжала в последний раз, ты была прозрачной, как Снегурочка. Почему ты попадаешь в зависимость? Ты, такая добрая и талантливая. Ты его вывела в люди.

Я сейчас заплачу, потому что эта история про меня, и я смотрю на себя со стороны. Но нет, не жалость обуревает меня, а легкая грусть. Я вспоминаю свою жизнь с детства и вспоминаю тех, кто любил меня. Мне кажется, что меня никто так не любил, как мой отец. А когда он ушел, он, наверное, так беспокоился за меня, что часть его перевоплотилась в меня, потому что я стала опорой для всех, как когда-то был мой папа. Вся жизнь проходит у меня перед глазами, и я словно в молитве благодарю одних, а других прощаю.

Я хочу ей сказать, что я не добрая и не талантливая, иначе – вон бы где я была, или вон сколько бы у меня было денег, на худой конец – славы. Она смотрит на меня как врач, пробегая глазами по моему лицу, фигуре, словно выискивая дефекты, и, не найдя явной патологии, ставит мне диагноз.

– Ты не смогла реализовать себя в жизни полностью. Ты достигала каких-то высот, тебе завидовали; завидовали мелкие люди, которыми ты себя окружала. И даже муж тебе завидовал. Их глазами ты мерила свои успехи. Это были не твои высоты, ты так и не смогла реализовать даже половину своих возможностей. Вот от этого беспокойство и происхо-

дит. От боязни одиночества. У тебя отсутствует чувство собственного достоинства – одни обиды. Тебя пожалели, ты все простила. Ты зависима от людей. Посмотри, в природе каждое животное живет своей жизнью, и у каждого животного есть граница, после которой начинается его неприкосновенное пространство. А у тебя эта граница отсутствует.

Она медленно набирает воздух в легкие, чтобы во время передышки подыскать в своем арсенале наиболее подходящую для данного момента историю, и начинает.

– Вот я тебе расскажу, как моя сестра Ляля вышла за Ваню. Он предложил ей стать его женой, а она ответила, что согласна, но только не будет стирать и готовить, и детей рожать тоже не будет. И представляешь! Он согласился. Готовить, конечно, она так толком и не научилась, но очаровательного сынишку родила, и они прожили всю жизнь счастливо.

– Ляля вышла за русского Ваню?

– Это что, русское имя? – спрашивает Тамара, глядя на меня с недоумением.

– Конечно.

– Не тошни! Что прародитель евреев Авраам был русским?

– А вот если бы Ваня-Авраам был русским, – говорю, – ей пришлось бы научиться готовить даже в Америке.

Тамара машет на меня рукой. Напряженность несколько спадает, и мы с удовольствием выпиваем ещё по чашке чая. Дверь из комнаты открыта на кухню, а дверь из кухни, как

обычно, приоткрыта на лестницу, чтобы кот мог удалиться на ночлег. Мы слышим, как сосед тихонько открывает входную дверь и просачивается в коридор со своим велосипедом. Уже поздно, и он думает, что мы отдыхаем. Но мы ещё не спим, более того, после чая к Тамаре приходит второе дыхание. Ни с того ни с сего, стараясь казаться абсолютно спокойной, наверное, чтобы не спугнуть меня, она спрашивает:

– У тебя было много мужчин?

Мне хочется спросить, а как у неё было с мужчинами. Ведь, когда мы расстались, ей было уже за сорок. Я помню мужчин, которых мы встречали на концертах в филармонии, но я тогда была романтическим подростком, и они все казались мне её поклонниками. Правда, Тамара с ними никогда не кокетничала – она командовала ими.

– Были, – отвечаю, – как вы говорите: «Это жизнь». У меня и в прошлом году был мужчина, я с ним в отпуск ездила.

– И что?

– И ничего. Мы были в Греции, мне там нравится; немного провинциально, но зато спокойно. Одной было бы скучно.

– И где он сейчас?

– Живет в Питере, работает.

– Кем работает? – спрашивает она, прищутив глаз.

– Балетмейстером детского коллектива, он бывший танцор, – выпаливаю ей с удовольствием и гляжу на её реакцию.

Тамара в шоке. Рядом со мной она балетмейстера представить не может. Вот так! Наконец, придя в себя, она спра-

шивает:

– Он тебя любит?

– Думаю, что нет, хотя кто его знает, – отвечаю с безразличием.

– А зачем ты с ним дружишь? – спрашивает она, почти ехидно.

– Да так, я увлеклась современным балетом, и когда я бываю в городе, он водит меня на балет, он всех знает.

– Ты ещё молодая женщина, – говорит она, – ты, конечно, могла бы найти себя в творчестве, но разберись сначала с мужчинами, такие отношения, как у тебя, создают неопределенность.

Это она, наверное, хочет сказать, что такие отношения унижают женщину.

– Хватит обо мне, я не хочу определяться – мужчинам надо готовить и прочее, а я люблю уезжать надолго. Да и не хочу разменивать свою свободу, которую я обрела ценой страданий. Лучше расскажите о себе.

Тамара понимает, что тема исчерпана, и быстро переключается:

«Я тоже была замужем. Всего три года. Когда я второй раз приехала в Ленинград и работала в Гатчине, познакомилась с очень достойным мужчиной. Он был отставным военным, но продолжал работать на военную промышленность. Он занимался секретными разработками и часто ездил в командировки на испытания. Это были секретные и очень опасные



испытания, и он мало что мне рассказывал. У меня в тот период было много работы в училище; мои ученики участвовали в серьезных конкурсах, и я даже получила за свою работу награду от правительства города. Поэтому, когда он уезжал, мне скучать было некогда.

Но однажды он не вернулся из командировки. Я сразу всё поняла. Потом прибежала его сестра, видно было, что она беспокоиться за жилплощадь (ведь мы были официально женаты). Я тут же пошла в жилконтору, выписалась из нашей квартиры на Садовой и навсегда уехала в Одессу».

Всё очень грустно, но с другой стороны смешно – я встретила балеруна, а она военного. Кто-то что-то напутал в небесной канцелярии.

# Принятие душа – это катастрофа

Завтра в полдень уезжаю, поэтому сегодня с утра уже попрощалась с морем и вторую половину дня мы собираемся провести вместе. Сначала прощальный обед, который готовит Тамара, а потом прогулка. Я укладываю чемодан и выбираю себе наряд на вечер, но все вещи уже запачкались, да и волосы у меня стали от морской воды как пакля. Тамара без слов понимает мои сомнения и предлагает включить колонку в туалете, чтобы перед обедом помыться по-человечески. Почему бы и нет? Что тут особенного? Такие допотопные удобства для старой Одессы не редкость. Когда я гуляла и по Малой, и по Большой Арнаутской, и по некоторым другим улицам в этой части города, заметила, что уличные фасады и дворы, как говорят в Одессе, – это две большие разницы. Иногда войдя во двор, вы словно проваливаетесь во времени, попадая в настоящую разруху послевоенных лет: оголенные, поеденные кариеом старые кирпичи, из-под которых торчат прогнившие деревянные балки перекрытий. Люди часто сами латают прохудившиеся стены, а иногда что-то пристраивают, например, сарайчики с газовыми баллонами или верандочки, а в некоторых дворах даже курятники есть. Все это производит впечатление небольшого недостатка, заброшенности. По Тамариным понятиям – это просто история.

Я подготавливаю себе пространство для бани: накрываю полки полиэтиленом, ставлю тазик на унитаз, в котором собираюсь мыть голову (в тазике, конечно), ещё можно окатиться из тазика, я все аккуратно накрыла. Одним словом, превращаю туалет в душевую кабину, раздеваюсь и включаю душ, который за неимением соответствующих приспособлений приходится держать в руке. Оставляю щель в двери, через которую вижу, как Тамара сначала идет к раковине и включает воду, а потом возвращается и подносит спичку к АГВ. Колонка загорается с первого раза, газовое пламя очень яркое, правда, вода моя почему-то холодная. Несмотря на то, что я не имею достаточного опыта пользования газовыми колонками, сдаётся мне, что пламя или колонку, или подачу воды – в общем, что-то нужно отрегулировать. Тамара отмахивается от меня своей коронной фразой: «Много ты понимаешь, ты даже не знаешь, что такое АГВ!». Это правда, я не знаю.

– Вот такая у нас Тамара, – говорю я полосатому коту Матросе, который сидит на коробках, сложенных на хозяйственной тумбочке под газовой колонкой и взирает на наши художества.

И вдруг: «Бабах!» И что-то происходит типа взрыва.

Мы, конечно, не готовы к взрыву и плана действий в чрезвычайных ситуациях у нас тоже нет. Я кричу Тамаре из туалета:

– Выключайте газ срочно!

Выглядываю в кухню: кот, как сидел до катаклизма на коробках, так и сидит, но весь в саже и с прижатыми ушами; колонка все ещё горит, но не так сильно, а пламя чёрное с копотью. Тамара тоже вся в саже и держит в руке обгорелый шланг, а на полу лежит ещё один шланг, из которого хлещет вода. Хорошо, что мы живём на первом этаже. Я снова кричу:

– Газ выключайте! Выключайте!

Начинаю медленно соображать, пока она борется с регулятором газа, который никак не хочет выключаться. Сорвало шланги, один из них находился близко к газовому пламени, и когда отлетал от своего патрубка, выгнулся и угодил прямо в окошечко, где горит пламя, там и застрял, оплавился, смазка выгорела, и в результате получился конечный продукт разложения органических соединений – сажа. Про другой шланг я вообще ничего не понимаю, но вода хлещет – это, кажется, та вода, которая идет через колонку и должна смешиваться с той холодной водой, которая включена у меня в туалете. И, наконец, до меня доходит, что важно знать, где она смешивается. На всякий случай ставлю все вентили в туалете в противоположное положение. И это дает эффект – вода из колонки уходит по трубам в туалет и стекает в отверстие в полу. По большому счету я не пытаюсь разобраться в этих трубопроводах, потому что труб, как на стенах в коридоре, так и в туалете так много, что некоторые из них, кажется, просто лишние. Тамаре, наконец, удается победить

пламя, колонка выключена, и мы кидаемся к раковине в кухне, чтобы отключить воду. Стоим обе на кухне: я голая, она в босоножках на огромных каблуках и в сарафане на одной ляжке, вся в саже, и обе одновременно разговариваем с котом, который так и не покинул свой пост. Она рассказывает Матросе, что сантехник ей объяснял, какой кран нужно включать первым, корит себя за то, что забыла. А я говорю коту, что это я бестолочь, потому что мы не открыли слив воды, поступающей из колонки. У меня шла холодная вода, и я не догадалась, что она идет напрямую, из кухни, минуя колонку, ведь я уже однажды мылась в душе и не сделала никаких выводов. И ещё говорю, что теперь все встало на свое место – ведь это двенадцатая авария за год, и путем несложных математических расчетов можно вычислить, что вероятность аварии в месяц равна единице. Кот сидит не шелохнувшись. А куда ему бедному деваться? У нас под ногами целое море. Тамара уже овладела собой и говорит мне:

– Видишь, как всё идёт одно к одному. Когда я ходила за бубликами? Вчера? Да, вчера. И как раз встретила Ивана Ивановича, который помогает мне с сантехникой. Я ему говорю: «Я вас обожаю». Он мне отвечает: «Я вас тоже». Завтра зайду к нему, пусть посмотрит моё АГВ.

С утра просыпаюсь – её нет. Ушла, наверное, к Ивану Ивановичу.

# Отъезд

День расставания все-таки приходит. Я и так тут засиделась, почти прижилась; уже несколько месяцев не была дома. И она, наверное, тоже от меня устала, но ей жаль, что я уезжаю. Она, как всегда, берёт командование в свои руки.

– Подожди, не вызывай такси, я позвоню Саше, он знает какое такси надо вызвать.

Тамара дозванивается Саше сразу, говорит очень быстро и четко, чтобы не тратить его время. Заодно задает вопрос по поводу кроссворда; вопрос, который она знала, но забыла: «Как у опричников назывались кисточка и голова волка?» Через пять минут она уже вызывает мне такси, набрав нужный номер.

Такси подходит точно в назначенное время, и я со своим чемоданом и ноутбуком бреду через двор, прощаюсь во дворе с Матросей. Тамара идет за мной, открывает мне дверь машины.

Я хочу обнять её на прощание, но она резко отстраняет меня.

– Ты что?! И не думай, – говорит она, открывая заднюю дверь, и садится в машину.

В аэропорту мы выходим из старенького Форда, и Тамара лично следит, чтобы я дала на чай молодому таксисту, у которого, судя по телефонным разговорам с девушкой, которая

три раза звонила во время нашего недолгого путешествия, финансовые затруднения.

Она говорит мне потом:

– Ты слышала, как она ему названивала? Он ей говорит, что сегодня не может встретиться, нужно работать, а она ему опять про свое. Это настоящая одесситка, он всё равно сделает так, как она захочет. Одесситки такие!

В аэропорту Тамара говорлива и оптимистична. Пока мы вместе, кажется, что расставание только на минуточку. А потом я долго смотрю на неё, удаляясь в воротах на посадку.

# Зачем надо снова приехать в Одессу

Самолет взлетает, кружит над городом – прощай Одесса. Сердце щемит. Но почему я раньше не приезжала в Одессу? Надо обязательно выбраться в следующем году, хоть на пару дней.

Чтобы узнать снял ли раввин редактора еврейской газеты, на которого Тамара подавала жалобу.

Чтобы убедиться, что кот Кузя жив, правильно питается, а его хозяйка наказана за плохое отношение к котам (ну скажем, например, её симпатичный муж Толя ушел к другой женщине, которая любит животных).

Чтобы проверить, останавливается ли автобус на углу Канатной. Уже после моего отъезда, когда я однажды позвонила Тамаре, после обычных расспросов о состоянии здоровья и политинформации о вредных действиях правительства она сообщила, что автобус на углу все-таки останавливается, и она там недавно садилась.

Чтобы съездить на пляж в Каролину Бугаз. Говорят, там очень чистая вода.

И ещё, я ведь не спросила, как умерла её мать.

\*\*\*



Звоню Тамаре, чтобы сообщить, что я удачно приземлилась. И что меня встретили с букетом цветов. Она отвечает:

– Как я рада! Сегодня думала о тебе. Услышала по радио, что в Ленинграде 28 градусов, как вы там переносите такую жару? – И вдруг в её голосе звучит озабоченность: – «Ты решила, за кого будешь голосовать? Сделай правильный выбор – ведь не каждый может справиться с такой огромной страной».

Потом, уверовав в мою твёрдую гражданскую позицию, она успокаивается и продолжает о себе.

– Мать снится каждый день. Зачем она приходит? Все-таки деторождение нужно планировать. Мать была исключительно талантливым человеком, талантливым во всем. Мы не получили от неё и десятой доли её таланта. Но жизнь сложилась тяжело. Из-за того, что я родилась погиб первый ребёнок. Помнишь, я тебе рассказывала, что у отца была серьёзная травма? Мать не отходила от его постели несколько месяцев, сутками пропадала в больнице. Бабушка её ругала, потому что ей одной трудно было справляться с малышом.

– С каким малышом? – перебиваю её.

– Как? Разве я тебе не говорила? Когда отца избили, у них уже был ребёнок. Это был мальчик, необыкновенно добрый и не по возрасту развитый. И однажды, когда бабушка в очередной раз упрекнула маму за то, что она просиживает сутками в больнице возле отца и не может уделять внимание ребёнку, мать ответила: «Если будет жив Он, у нас ещё бу-

дут дети». И что ты думаешь! Отец выжил, потом вышел из больницы, и мама забеременела мной, вовсе не потому, что она хотела тогда ребёнка, просто отец был ещё слабоват, и она потакала ему во всем и ни в чём не могла отказать. А когда она была со мной в роддоме, случилось так, что её первенец, которому тогда было два года, тяжело заболел и умер.

Вот оно в чем дело, оказывается...

– Это неправда! – кричу ей в трубку. – Она вас любила. Мама вас любила!

\*\*\*

В течение года периодически звоню ей, она кажется мне бодрой, много говорит, дает советы. Обещаю приехать, но не летом, так осенью, потому что мне опять нужно уехать в командировку на три месяца. Но не суждено...

В конце следующего лета мне звонит незнакомая женщина – это Оля. Я сразу обо всем догадываюсь. Она говорит, что мой номер написан на стене и что прежде Тамара ей обо мне рассказывала. Связь всё время прерывается, я пытаюсь перезвонить чуть позже; потом звоню на городской номер. Но ни в этот день, ни потом мне не удается дозвониться. И мне тоже никто не звонит.

Она растворилась в пространстве, как его мельчайшая частица, и гармония этого пространства теперь стала и её гармонией.

Надеюсь, что там всегда звучит музыка.